
Он
помнит всё.
Кроме имён.
Зря.
Неприлично
Красив
РОМАН О ЛЮБВИ, СВОБОДЕ
И ЗАБЫТЫХ ИМЕНАХ
18+
18+
ОКСАНА ВОЛКОВА

Оксана Волкова

Неприлично красив

«Автор»
2026

Волкова О.

Неприлично красив / О. Волкова — «Автор», 2026

Что делать, если женщина, которую ты не помнишь, знает о тебе слишком много?Алекс устраивает чужие свадьбы и разводы с салютом. Он неприлично красив, остроумен и уверен: любую любовную историю лучше закончить первым. На этот случай у него есть правило. И оно никогда не подводило.Однажды утром незнакомка жарит хлеб с корицей на его кухне, оставляет номер на чеке и уходит. А на зеркале остаётся надпись помадой: он её опять не узнал.Опять?Он выбросил чек. Имени не знает. Зато теперь хочет выяснить, где они встречались и почему она помнит то, о чём он сам предпочёл забыть.Но привычные шутки перестают спасать, когда прошлое подходит слишком близко. И впервые Алексу придётся научиться слушать, говорить правду и не уходить, едва становится страшно.«Неприлично красив» — ироничный и чувственный роман о любви, свободе и страхе близости. О мужчине, который умел нравиться всем, но не умел оставаться рядом.

© Волкова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Я никому ничего не должен 6
Глава 1. Завтрак с незнакомкой 7
Глава 2. Счастье по договору 13
Глава 3. Мужской разговор 18
Глава 4. Сорок минут 24
Глава 5. Женщина за рулём 29
Глава 6. Обратная связь 34
Глава 7. Условия Марго 40
Глава 8. Интервью без разрешения 46
Глава 9. Раз, два, три 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Оксана Волкова
Неприлично красив

Я столько дорог исходил без тебя,

Менял адреса, обещанья, себя.

Умел улыбаться, умел уходить,

Но так и не выучил — рядом побыть.

Ты помнишь мальчишку, каким я тогда

Смотрел на тебя, не скрывая стыда.

Я вырос, стал смелым, красивым на вид,

А мальчик всё так же за дверью стоит.

Я помню твой смех и тот маленький зал,

И всё, что тебе никогда не сказал.

Теперь, если спросишь: «Ты помнишь меня?» —

Я больше не стану скрываться ни дня.

Часть первая. Я никому ничего не должен

Правило №1. Никогда не спрашивай имя, если спрашивать уже поздно.

Глава 1. Завтрак с незнакомкой

Меня разбудило прикосновение к волосам. Женщина сидела на краю кровати и медленно перебирала пряди, иногда задевая ногтями кожу у виска, а я лежал с закрытыми глазами и пытался вспомнить, чем закончился вчерашний вечер. Обычно я сначала выясняю, во что ввязался, и только потом открываю глаза.

От её пальцев пахло корицей. Значит, пока я спал, она уже успела похозяйничать на моей кухне. Корицы у меня в доме никогда не водилось, и запах был странный, тёплый и сладкий, как будто где-то рядом жарили хлеб с сахаром. На секунду мне показалось, что я его знаю, из тех времён, когда кухни были маленькие, а сахар сыпали прямо из пачки. Додумывать я не стал. В половине восьмого утра у нас с прошлым договор о ненападении.

Подушка давила на левое ухо так, как давит только моя подушка. Значит, ночевали у меня, и это осложняло дело. Из чужой квартиры я обычно уходил без затруднений: одевался, проверял, не забыл ли часы, и закрывал дверь достаточно тихо, чтобы никого не разбудить. Со своей квартирой так не выйдет. Из неё нельзя уйти первым, не выглядя при этом идиотом, и остаётся ждать, пока уйдут от тебя. Ждать я не люблю.

Пальцы исчезли, матрас качнулся, и босые шаги прошли по паркету, а потом по плитке. На кухне хлопнула дверца шкафчика, за ней вторая. Я мысленно пожелал гостье удачи. Сковородку я когда-то купил для съёмки каталога посуды и с тех пор ни разу не ставил на огонь, а куда её убирает домработница, не знал даже я. Через минуту зашипело масло.

Я попытался восстановить вчерашний вечер так, как восстанавливают тайминг после неудачного банкета, начиная с того места, которое ещё помнишь.

После встречи с подрядчиками я зашёл в бар на набережной выпить один бокал и выпил два. Для меня это почти загул. За сдвинутыми столами день рождения отмечали человек двенадцать. Рыжая именинница уже немного плакала от счастья, подруги пели вразнобой и снимали друг друга на телефоны, а саксофонист в углу играл громче, чем позволял ему талант. Одна блондинка у края стола не пела и не снимала. Она смеялась над чем-то своим, не в такт остальным, и я подошёл к ней с фразой, которую держу для таких случаев. Фраза проверена на трёх континентах и на одной свадьбе в горах, но приводить её я не буду: фирменные рецепты не раскрывают. Обычно на неё улыбаются сразу. Блондинка сначала долго меня разглядывала и улыбнулась только потом.

Имя она назвала в ту секунду, когда саксофонист взял свою главную ноту, и имя в этой ноте утонуло. Переспрашивать я не стал. Переспросить — значит признаться, что не расслышал, а оттуда недалеко до разговора о внимании, в который на первом свидании лучше не заходить.

Мы проговорили почти час. Вернее, говорил в основном я, а она слушала и иногда задавала вопросы, от которых я говорил ещё больше.

— А чем ты занимаешься? — спросила она.

— Устраиваю людям счастливый конец. Свадьбы, юбилеи. Последнее время всё больше разводы.

— Разводы?

— Вечеринки в честь развода. Торт, салют, сожжение фаты. Это сейчас очень востребовано.

— А себе?

— Что себе?

— Счастливый конец. Себе ты его устроил?

— Я пока в начале, — сказал я. — Меня рано заканчивать.

Она засмеялась, но не так, как смеются удачной шутке, и отпила из бокала. Я тогда решил, что она просто устала от громкой музыки.

Потом именинница попросила кого-нибудь снять всю компанию, и я, конечно, вызвался. Я расставил их так, как расставляю гостей на свадьбе: высоких назад, именинницу в центр, двух подруг, которые весь вечер друг с другом не разговаривали, по разным краям. Компания была в восторге и потребовала ещё три дубля. Блондинка в кадр вставать отказалась. Она стояла у меня за плечом и смотрела, как я командую чужими людьми.

— Ты всегда так делаешь? — спросила она.

— Как?

— Решаешь, кто где будет стоять.

— Это моя работа, — сказал я и сделал четвёртый дубль, хотя никто не просил.

Ближе к полуночи имениннице вызвали такси, и полстола уехало вместе с ней. Блондинка достала телефон, открыла пустой контакт и протянула мне экраном вверх.

— Обменяемся? — спросила она.

— Давай оставим себе что-нибудь на потом, — сказал я.

Это моя вторая фирменная фраза. Женщине кажется, что ей пообещали продолжение, мне кажется, что я ничего не обещал, и обычно все расходятся довольными. Она молча убрала телефон в сумку, и я решил, что она тоже довольна.

В такси она всю дорогу смотрела на реку. Я смотрел на неё и думал, что для половины первого ночи у неё слишком прямая спина.

Потом был лифт. Я прислонился плечом к стене и повернулся к ней. Она оглядела меня и покачала головой.

— Ты всегда так стоишь в лифте?

— Как?

— Как будто тебя сейчас будут фотографировать.

— Привычка.

— Отвыкай, — сказала она и шагнула ближе.

Она оказалась так близко, что я почувствовал её дыхание у воротника. Я положил ладонь ей на талию. Она не отстранилась, только посмотрела на мою руку, потом снова мне в лицо. Я решил, что фраза из бара сработала с опозданием. Зато наверняка.

Потом был её смех на лестнице, когда я не попал ключом в замок. Я выпил два бокала, а не десять, и помню всё. Просто среди всего, что я помню, не хватает одного слова.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказала она из кухни. — Ты дышишь как человек, который думает.

Я открыл глаза. Брюки нашлись на полу, рубашка на спинке кресла, и на кухню я вышел босиком. Она стояла у плиты во вчерашнем платье и в моих носках, таких больших, что пятки торчали над щиколотками. Мокрые светлые волосы были собраны как попало, спину она держала очень прямо. На столе лежал бумажный пакет из пекарни и стояла открытая баночка сахара. Где у меня хранится сахар, я бы и сам искал минут десять.

— Доброе утро, — сказал я. Это единственное приветствие, для которого не нужно знать имя.

— Доброе, любимый.

В моей профессии слово «любимый» стоит дорого. В смете оно появляется не раньше знакомства с родителями, а вслух его начинают говорить месяца через три, когда пара впервые ругается в магазине из-за цвета салфеток. Мы были знакомы часов десять. Шесть из них я спал, три помню кусками, а один, кажется, был лучшим за месяц. Но даже за лучший час «любимого» не дают.

— Хлеба у тебя нет, масла тоже, — сказала она, не оборачиваясь. — Есть шампанское, оливки и три вида минеральной воды. Пришлось сходить вниз и купить.

— Ты выходила?

— Ключи висели на крючке у двери. Ты вешаешь их, как в гостинице.

Я действительно вешаю их, как в гостинице. Мне не приходило в голову, что это можно заметить за одну ночь.

Кухня у меня красивая. Её снимали для двух журналов и одного каталога, после чего готовить на ней стало жалко, и я перестал. Гостья хлопала дверцами, переставляла банки и вела себя так, будто эта кухня наконец кому-то пригодилась.

— Ты здесь живёшь или показываешь? — спросила она.

— Ночую. Живу я в агентстве.

— Это заметно. У тебя на холодильнике стоит свадебный торт.

— Это муляж. Остался после съёмки.

— Я знаю. Я его чуть не разрезала.

— Зачем три вида воды, тоже спросишь?

— Нет, — сказала она. — Это я как раз понимаю. Одна для тебя, одна для гостей, а третья на случай, если гости окажутся важнее тебя.

Я хотел возразить и не нашёл чем. Третья вода действительно стояла на случай клиентов, которые приезжают смотреть квартиру как образец моего вкуса.

Она выложила на тарелку первые куски хлеба, обжаренного в масле и обсыпанного корицей с сахаром, поставила передо мной и положила на сковородку следующие. Спрашивать, буду ли я, она не стала. Первый кусок я съел из вежливости, второй уже без всякой вежливости. Хлеб был самый простой. Я заказывал завтраки в отелях, где сахарную пудру привозят отдельной машиной, и ни один не пах так.

— Вкусно, — сказал я. — Где ты так научилась?

Она пожала плечом и налила мне воды. Не той, что пью я, а той, что держу для гостей. Ошибка простительная.

Сама она почти ничего не ела: только отломила корку с моей тарелки, съела её стоя у плиты и стряхнула крошки в раковину. Я предложил ей сесть: стульев у меня шесть, и ни разу все шесть не были заняты одновременно. Она сказала, что насиделась вчера, и осталась стоять, опираясь ладонью о край столешницы. Я пытался понять, кем она работает. Для офиса у неё была слишком прямая спина, для бара слишком спокойные руки. За всё утро она ни разу не взглянула в телефон. Я свой проверил раз двадцать.

— А ты чем занимаешься? — спросил я, раз уж угадать не получалось.

— Учу людей стоять ровно.

— Это профессия?

— Ещё какая. Большинство не умеет.

Я выпрямился раньше, чем успел решить, нужно ли. Она это заметила и ничего не сказала.

Тогда я решил применить способ, который много лет выручает меня на свадьбах. Бывает, что имя гостя вылетает у меня из головы, хотя я сам сажал его за третий стол. Спрашивать, как его зовут, в такой ситуации нельзя. Я с озабоченным видом спрашиваю, как пишется его имя, через «е» или через «э»: мне якобы надо проверить карточку на столе. Девять человек из десяти тут же диктуют имя по буквам и ещё благодарят за внимательность.

— Слушай, — сказал я самым деловым голосом, — а твоё имя как правильно пишется? Через «е» или через «э»?

Она обернулась с лопаткой в руке.

— Через «и», — сказала она и снова отвернулась к сковородке.

Я подождал, не добавит ли она что-нибудь, но продолжения не было. Похоже, десятый человек из десяти всё-таки существует, и сегодня он жарил хлеб на моей кухне.

Она сняла со сковородки последние куски, выключила плиту и вытерла руки кухонным полотенцем. Пока я доедал, она ушла в ванную. Я слышал, как льётся вода и скрипит шкафчик над раковиной. Про этот скрип я давно собираюсь сказать мастеру и всё время забываю, потому что дома почти не бываю.

На спинке стула осталась её сумка, кожаная, с латунной застёжкой и без логотипа. Имя обычно живёт в сумке: на пропуске, на банковской карте, на квитанции из химчистки. Мне нужны были полсекунды. Я протянул руку, и вода в ванной стихла раньше, чем я рассчитывал.

Она вышла, вытирая ладони о платье, посмотрела на мою руку, которая уже почти дотянулась до застёжки, и спокойно сняла сумку со стула. Повесила на плечо и ничего не сказала. Я тоже промолчал. Мы помолчали на секунду дольше, чем молчат люди, которым удобно, и за эту секунду я успел подумать, что латунь, наверное, холодная. Этого я так и не узнал.

Потом она подошла к окну и подняла жалюзи. Утренний свет у меня в квартире очень честный, я из-за него её и купил. Окна выходят на реку, штор нет, и при таком свете хорошо видно, кто вчера соврал о своём возрасте. Она стояла у окна и смотрела на меня. Лицо у неё было красивое и упрямо незнакомое.

— Ты правда хочешь знать, кто я? — спросила она.

Спросила тихо и без игры. Каждую неделю какая-нибудь невеста спрашивает меня, правда ли фата её не старит. Это был другой вопрос.

— Я хочу знать, кто научил тебя так жарить хлеб, — сказал я. — Остальное, по-моему, детали.

Она улыбнулась так, как улыбаются ребёнку, который уверенно врёт и вот-вот сам в это поверит. Потом опустила жалюзи до половины, и свет лёг на пол полосами.

Темнота. Я тянусь к лампе на тумбочке, и её голос совсем рядом: «Не включай». Её ладонь у меня на глазах. Счёт у самого уха, почти беззвучный, так считают про себя, когда боятся сбиться: раз, два, три. Я решаю, что это игра, и мне нравится игра. Её пальцы находят шрам у меня под левым коленом и задерживаются там дольше, чем нужно. Я дёргаюсь. Этого шрама не трогает никто.

Когда я снова посмотрел на неё, она уже надевала пальто. Волосы за ухом у неё ещё не высохли, и мне захотелось встать, подойти и убрать их с её шеи, просто чтобы проверить, такая ли она тёплая при свете, какой была в темноте. Желание было настолько некстати, что я остался сидеть и крепче взялся за стакан с водой. На такой случай у меня есть протокол выпроваживания. Шагов в нём три: случайный взгляд на часы, звонок, который якобы нельзя не принять, и такси, заботливо вызванное заранее. Я повернул запястье для первого шага и только тогда вспомнил, что часы лежат в ванной. Смотреть на голую руку глупо даже по моим меркам.

Пока я с этим разбирался, она застегнула пальто, достала из пакета чек и написала на обороте номер моей ручкой, которую нашла неизвестно где. Чек она положила на стол и придавила баночкой с сахаром.

— Если захочешь, — сказала она.

Я кивнул. Кивок ни к чему не обязывает.

— Посмотрим, — сказала она.

У двери она сняла мои носки, сложила их на тумбочку под крючком с ключами и обулась. Вчера в баре она предлагала обменяться номерами, а я отшутился. Дверь закрылась тихо. Ни «напиши мне», ни «я позвоню», ни взгляда через плечо. Всё было так правильно, что я немного обиделся.

Квартира после чужого ухода всегда кажется больше. Я постоял в прихожей, потом зачем-то прикрыл дверь в гостевую комнату, хотя там никто никогда не ночевал. Минут пять я убирал следы, как после банкета: сковородку и тарелку отнёс в раковину, носки бросил в корзину для

белья. Бумажный пакет из пекарни я сложил вчетверо и выкинул вместе с чеком, не прочитав названия. Чеки я не храню. Кто хранит чеки, тот потом пишет сообщения в два часа ночи.

Сообщение я всё-таки начал. Открыл новый чат и набрал: «Прекрасно провёл время. Повторим?» Хорошее сообщение, проверенное: за последний год я отправлял его, наверное, раз двадцать. Поле «Кому» осталось пустым. Я посмотрел на него, потом на мусорное ведро и закрыл чат. Черновик сохранился сам.

Черновики у меня вообще живут дольше, чем надо. Внизу списка заметок лежала одна, двенадцатилетней давности. Четыре телефона сменилось, а она всё переезжала вместе с остальными. В списке под датой виднелось начало: «Я помню тот мост…». Открывать её я не собирался.

Тут же написал Оскар. Оскару двадцать три, он работает у меня второй год и пишет так, будто за каждую букву с него берут деньги:

«Ферран. 11:00. Договор. Вы обещали прочитать».

Я ответил «Прочитал». Через секунду пришло:

«Пункт 9.4 тоже?»

«Особенно 9.4», — написал я. Это было не совсем правдой, но до одиннадцати оставалось три часа, а читаю я быстро, когда захочу. Потом я пошёл бриться.

На зеркале в ванной было написано красной помадой. Помада была та самая, которую я весь вечер разглядывал у неё на губах, так и не узнав оттенок. Буквы крупные и ровные, с наклоном вправо, как пишут на доске учительницы:

«Ты меня опять не узнал».

Я прочитал это дважды и во второй раз задержался на слове «опять». Потом провёл пальцем по первой букве. Помада была ещё мягкой. Похоже, она написала это, пока я сидел на кухне и доедал её хлеб, а за стеной скрипел шкафчик.

Женщина, с которой у меня есть прошлое, — дело обычное, таких у меня полгорода. Но с этой прошлого не было, иначе я бы запомнил. Пусть не всегда по именам, но по деталям я помню всех: кто пьёт кофе без сахара, кто плачет на чужих свадьбах, кто носит одну серёжку.

Для очистки совести я сел на край ванны и пролистал контакты. Это заняло больше времени, чем хотелось бы. Женщины записаны у меня так, как мне удобно их вспоминать: «Дафна, кейтеринг, смеётся басом», «Лея?? бар у моста», «Ивон, рыжая, лофт, не звонить по пятницам», «Карин (торт с инжиром)». Блондинок нашлось четыре. Одна давно уехала из страны, для другой я сам организовывал свадьбу, а двух оставшихся я помнил достаточно хорошо, чтобы знать, что ни одна из них не стала бы жарить хлеб на моей кухне. Корицы в приметах не было ни у кого.

Оставалось самое простое объяснение: она меня с кем-то перепутала. Я много лет работаю на чужих свадьбах, за вечер пожимаю руки сотне людей, и половина из них потом уверена, что мы давно знакомы. Меня легко с кем-нибудь перепутать. Я решил, что это даже немного лестно, и мне стало легче.

Зеркало я сфотографировал. Это привычка: всё, что подрядчики сделали не так, я фотографирую, чтобы потом не спорить. Потом намочил полотенце и провёл им по зеркалу, но помада только размазалась розовыми полосами, и буквы стали ещё шире. Пришлось искать под раковиной средство для стёкол, которое оставила домработница. Я тёр минут десять, пока в зеркале не остался обычный я, небритый, в полотенце и с розовыми пальцами. Потом побрился, надел рубашку, в которой подписываю договоры, и застегнул часы.

В лифте я ещё раз открыл фотографию. В галерее она встала между схемой рассадки на субботу и тортом, который на прошлой неделе съехал набок за двадцать минут до выноса. Слово «опять» было написано чуть мельче остальных. Мне показалось, что она сомневалась, писать ли его.

Двери открылись на первом этаже. Я убрал телефон в карман и пошёл подписывать договор.

Глава 2. Счастье по договору

Пункт 9.4 договора с семьёй Ферран начинался словами «Исполнитель обязуется не разглашать сведения о Заказчике, его гостях и членах его семьи», и на этом месте у меня зазвонил телефон. Он лежал экраном вниз возле моего локтя и звонил уже третий раз за пять минут. Три звонка подряд в субботу утром означают одно: на площадку что-то привезли, и привезли не того цвета.

Я сбросил звонок и улыбнулся невесте.

Изабель Ферран сидела напротив меня на диване в приёмной, держа на коленях папку с журнальными вырезками, перетянутую резинкой для волос. Ей было двадцать шесть, свадьбу она хотела в конце января, «чтобы снег и никаких ос», и за час нашей встречи ни разу не прислонилась к спинке. Рядом сидела её мать в пальто, которое так и не сняла, хотя у нас в приёмной тепло. Жених не пришёл. По словам Изабель, он подписал бы что угодно, лишь бы его не звали подписывать. Таких женихов я встречал десятками и искренне их уважаю: с ними легко работать.

Договор занимал двадцать две страницы. Составлял его юрист семьи, человек, судя по тексту, очень любивший слово «надлежащий». Первые восемь пунктов я прочитал честно. Про девятый Оскар утром спрашивал отдельно, и я открыл его специально, чтобы потом с чистой совестью сказать, что открывал. Пункт 9.4 занимал полторы страницы. Я пробежал глазами первую строчку, перевернул страницу и решил, что конфиденциальность я и так соблюдаю лучше любого юриста. Я шесть лет вижу людей в тот день, когда они хуже всего собой владеют, и ни одна тёща ещё не узнала от меня, что делал её зять в два часа ночи у фонтана.

— Вы дочитали? — спросил Оскар. Он стоял у кофемашины с папкой под мышкой и смотрел на меня так, как кассир смотрит на купюру, которую ему протянули мокрой.

— До главного, — сказал я, поставил инициалы в углу каждой страницы, включая ту, где пункт 9.4 переходил в 9.5, а на последней расписался полностью.

Изабель следила за моей ручкой, пока я не дошёл до подписи, и только тогда сняла с папки резинку.

— У меня вопрос по торту, — сказала она. — Можно, чтобы он был не белый?

— Можно любой.

— Мама считает, что свадебный торт должен быть белый.

— Мама права, — сказал я, — для маминой свадьбы.

Мать Изабель поправила на коленях сумку и ничего не сказала. Изабель вытащила из папки вырезку с тёмно-синим тортом, похожим на ночное небо в звёздах из сахара, и положила её поверх договора. Я сфотографировал вырезку и пообещал три эскиза к среде. Торт стоил примерно как подержанный мотоцикл, и я впервые за утро улыбнулся по-настоящему.

Потом Оскар положил на стол предварительный список гостей, собранный из таблицы, которую Изабель прислала на прошлой неделе. Сто сорок человек и четыре колонки: имя, сторона, кем приходится, аллергии. Я люблю такие таблицы, в них сразу видно, где будет скандал. Две тёти с одинаковой пометкой «не рядом», двоюродный брат с пометкой «не наливать после девяти», чей-то сосед с аллергией на всё, кроме шампанского.

Изабель взяла у матери ручку, нашла строку в середине второй страницы и провела по ней черту. Потом провела вторую, прямо поверх первой, так что имя прочитать стало нельзя.

— Его вычеркните, пожалуйста, — сказала она. — И никуда не сажайте. Совсем.

В колонке «кем приходится» осталось одно слово: «крёстный». Я кивнул и сделал пометку в планшете. Минус один гость — это минус горячее, минус бокал, минус стул, а если гость приходит с парой, то всё это дважды. Я проверил, стоит ли рядом «+1». Не стояло.

— Без вопросов, — сказал я.

Мать Изабель отвернулась к окну. Смотреть у нас за окном не на что: двор старого центра, мусорные баки и чужая вентиляционная труба. Я решил, что она устала от свадебных разговоров, у матерей невест это начинается примерно со второй встречи. Изабель вернула ручку, и мать, не глядя, убрала её в сумку.

Мы попрощались в одиннадцать сорок. В одиннадцать сорок две я сидел в такси, а Оскар рядом со мной раскладывал на коленях коробку с карточками для рассадки, и я наконец перезвонил флористу.

Флорист плакала. Для арки на церемонии мы заказывали цветы оттенка «пыльная роза», а оптовая база прислала оттенок, который она назвала «варёная свёкла». Церемония на крыше начиналась в половине второго. Площадку с восьми утра собирали бригада ресторана и наш декоратор, стулья и свет были на месте, не хватало только арки. Я сказал ей то, что всегда говорю в таких случаях: гости запомнят невесту, а не арку, а белые хризантемы, которых у неё полный фургон, отлично закроют всё, что не надо видеть. Она перестала плакать и начала ругаться. Это хороший знак: ругаются те, кто уже работает.

Пока такси стояло на мосту, пришло письмо от юриста Ферран. Он подтверждал, что договор подписан надлежащим образом, что аванс в размере сорока процентов будет перечислен в течение часа, и прикладывал график: второй платёж двадцать девятого декабря, остаток за семь дней до мероприятия. Подпись у него занимала четыре строки, а под ней мелким шрифтом стояло предупреждение, что письмо может содержать конфиденциальную информацию. Я подумал, что человек, который ставит такое предупреждение под графиком платежей, и на холодильнике у себя дома, наверное, пишет «не разглашать».

Аванс пришёл, когда мы съезжали с моста. Сумма была красивая, с тремя нулями на конце и приличными цифрами перед ними. Я посмотрел на неё секунды три, как смотрят на торт перед тем, как его разрезать, а потом продиктовал Оскару список. Флористу за сентябрь. Прокату света за две свадьбы, которые мы отыграли в долг. Пиротехнику, который вторую неделю присылал мне смайлик с бомбой и больше ничего. Хозяину лофта за два месяца аренды.

Оскар платил с телефона, держа коробку с карточками коленями. Последний скриншот он прислал мне, хотя я сидел в полуметре от него.

— Остаток? — спросил я.

Оскар повернул ко мне экран. Остаток на счёте агентства был похож на чаевые, которые оставляют в кафе, когда торопятся.

Резервов у меня нет, и я этого не стыжусь. Резерв — это деньги, которые лежат и ничего не делают, а у меня деньги работают, обычно ещё до того, как приходят. До свадьбы Ферран почти четыре месяца, до второго платежа три, а до второго платежа у нас ещё пять свадеб и, если повезёт, пара разводов. Я так живу шесть лет, и ни одно мероприятие у меня ещё не сорвалось из-за отсутствия резерва. Срывались они из-за погоды, родственников и кондитеров.

Ресторан на крыше в октябре — это решение, которое пара принимает в мае, когда смотрит площадку на закате и держится за руки. В октябре на крыше дует так, что карточки для рассадки приходится придавливать бокалами, гости сидят в пальто, а официанты раздают пледы с вышитым логотипом ресторана и следят, чтобы их не унесли домой. Жених с невестой, Лукас и Ноэми, о мае не жалели. Ноэми ходила по крыше в свадебном платье и чужом пуховике и показывала подругам вид на реку так, будто сама его построила.

Хризантемы флорист вставила так густо, что арка стала похожа на сугроб, из которого кое-где торчит свёкла. Я сказал, что это зимнее настроение и что на фото будет выглядеть дорого. Она посмотрела на меня с недоверием и пошла курить.

Хуже было с обогревателями. Их стояло четыре, высоких, похожих на уличные фонари, и один не зажигался. Стоял он как раз у ряда, где должны были сидеть бабушки. Техник ресторана сказал, что баллон пустой, запасной внизу, в подсобке, а грузовой лифт сегодня не рабо-

тает. Баллон мы несли втроём по служебной лестнице на шестой этаж: техник впереди, официант сзади, а я посередине, потому что гости приходят через двадцать минут, а ждать, пока починят лифт, я не умею. На пятом этаже галстук съехал у меня набок, а на манжете появилась серая полоса неизвестного происхождения. Техник подключил баллон, проверил шланг и зажёг обогреватель с третьей попытки, и первая бабушка села под него раньше, чем он успел закрыть крышку.

— Беллами ушли, — сказал Оскар, пока я оттирал манжет салфеткой.

Беллами — пара, которая в четверг должна была подписывать с нами договор на весеннюю свадьбу. Сто двадцать гостей, загородный дом, лошадь для невесты. Лошадь я уже нашёл.

— Куда?

— В «Вечное лето». Двадцать процентов скидки, ведущий бесплатно.

— Ведущий Артура бесплатно стоит ровно столько, сколько стоит.

— Это третьи за месяц, — сказал Оскар. — Говорят, Артур после развода озверел.

Я не спросил, с кем развёлся Артур. Я видел его несколько раз на отраслевых вечеринках: безупречный костюм, машина, вежливость, рядом с которой хочется надеть шарф. Жены рядом не помню. Чужие свадьбы интересуют меня только по смете, а чужие разводы с того момента, как кто-нибудь готов за них заплатить. Развод Артура оплачивал, судя по всему, я. Мне это не понравилось, но лошадь можно было пристроить на другую свадьбу.

— И ещё, — сказал Оскар. — Вас ждут в баре ресторана. Марго. Писала в среду насчёт развода.

— На террасу её не пускать.

— Не пускаю. Сказала, хочет посмотреть, как вы работаете, когда всё горит.

Бар ресторана работал для всех, свадьба занимала только террасу, и от бара её отделяла стеклянная стена. Женщина у стойки стояла в тёмном брючном костюме, пальто она набросила на плечи, не продевая рук в рукава. Ей было за сорок, и она этого не скрывала. На левом запястье у неё были большие мужские часы, на правой руке, на безымянном пальце, бледная полоска кожи, ещё не успевшая загореть. Бокал шампанского стоял перед ней нетронутым. Она пришла смотреть на чужую свадьбу через стекло и ничего не заказала к шампанскому, а значит, пришла по делу.

— Вы Алекс, — сказала она. Голос у неё был низкий, такой голос хорошо слышно в переговорной без микрофона.

— А вы Марго.

— Вы опоздали на сорок минут.

— Я приехал за пятьдесят минут до начала церемонии.

— Ваш помощник говорит, что организатор должен быть на площадке за полтора часа.

Я посмотрел на Оскара. Оскар смотрел в потолок, как будто там тоже что-то привезли не того цвета.

— Вы меня проверяете? — спросил я.

— Я выбираю подрядчика. Трое мне уже показали красивые презентации. Мне интересно, что бывает, когда всё не по презентации.

— И что вы видели?

— Как вы сами возились с обогревателем вместо того, чтобы стоять в стороне, — сказала Марго. — Это плюс. И как ваша флористка после разговора с вами наконец занялась аркой. Это тоже плюс.

Я хотел спросить, почему это плюс, но церемония начиналась, и я ушёл на террасу к арке.

Церемония прошла хорошо. Регистратор приехал вовремя, кольца нашлись у свидетеля в нужном кармане, а Лукас, читая клятвы, сбился только раз и рассмешил всех, кроме своей матери. Я стоял сбоку с телефоном, сверял тайминг и смотрел на гостей. На свадьбах я всегда смотрю на гостей: кто замёрз, кто уже выпил, у кого сейчас разрядится телефон, кто из подру-

жек сядет не на свой стул. Отец невесты весь обряд держал руку в кармане пиджака, где, судя по форме, лежала сложенная речь страниц на пять. Это я отметил отдельно: речи длиннее двух минут я обычно переношу на время после горячего, когда гости слишком сыты, чтобы страдать.

Когда молодые пошли к столу с шампанским, я поймал отца невесты у парапета.

— Вы говорите после горячего, — сказал я. — Это лучшее время. Все сидят и слушают.

— Я хотел сразу. Пока не замёрзли.

— Сразу они будут думать о закусках. А после горячего будут думать о вас.

Он похлопал себя по карману и согласился. Ему было лет шестьдесят, на нём был костюм, купленный, судя по плечам, к свадьбе старшей дочери, и он весь вечер оглядывался на Ноэми, как будто её могли перепутать с кем-то в пуховике и увести.

Марго стояла по ту сторону стекла и смотрела не на молодых, а на официантов. Когда Лукас наклонился поцеловать невесту, она посмотрела на часы.

— Четыре минуты двадцать секунд, — сказала она, когда я прошёл через бар за запасными пледами. — Клятвы.

— Это хорошо или плохо?

— Мои длились одиннадцать. Он читал по бумажке.

Сказала она это ровно, без всякого выражения, и я не стал спрашивать, кто именно читал. Это и так было ясно по пальцу.

После церемонии фотограф позвал меня строить общий кадр. Семьдесят человек на крыше при боковом ветре нужно расставить так, чтобы были видны и бабушки, и река, и платье не превратилось в парус. Эту работу я никому не отдаю. Я возвращался через бар с пледами, когда Марго остановила меня у стеклянной двери, взяв двумя пальцами за рукав.

— Стойте.

Она подошла ближе, взялась за мой галстук, ослабила узел, выровняла его и затянула заново, потом поправила кончик так, чтобы он лёг ровно по пуговицам. Пальцы у неё были прохладные и уверенные. Смотрела она при этом не в глаза, а на узел, внимательно, как поправляют раму картины, которая висит криво уже неделю. От неё пахло чем-то сухим и дорогим, без всякой сладости.

— Вас будут снимать, — сказала она.

Женщины не поправляют мне галстук просто так, это я знаю по опыту. Я поблагодарил её тем голосом, который приберегаю для таких случаев, на полтона ниже обычного.

Она кивнула и уже снова смотрела на часы. Я стоял с пледами в руках и чувствовал узел под горлом, затянутый чуть туже, чем затягиваю я.

— Мне нужна вечеринка, — сказала Марго. — В конце ноября. Шестьдесят человек. Торт, салют, ведущий без пошлости. Фату жечь не будем, я выходила замуж в шляпе.

— Шляпу можно сжечь.

— Шляпа мне нравится. — Она застегнула верхнюю пуговицу пальто, не надевая его. — Смету обсудим сегодня. Я пока живу в гостинице на том берегу, напротив моста. Номер тысяча четыреста двенадцать. В девять.

Я оставил пледы Оскару у входа на террасу и уже у арки поймал себя на том, что не помню, сколько гостей она назвала, а помню, какие холодные у неё пальцы. Она ушла раньше, чем подали горячее. Бокал так и остался на баре нетронутым, и официант унёс его с лицом человека, которому сегодня наконец повезло.

— Смета вечером, — сказал Оскар, глядя ей вслед.

— Смета, Оскар.

— Ага, — сказал Оскар и пошёл раздавать бабушкам пледы.

Общий кадр получился. Платье не стало парусом, река была видна, а отец невесты на фото держал руку в кармане. Речь он всё-таки прочитал после горячего: четыре страницы из пяти, я засёк. В половине восьмого, сразу после первого танца, я передал площадку Оскару

вместе с планшетом, рацией и инструкцией по обогревателям и ушёл. Я всегда ухожу со своих свадеб после первого танца. Дальше гости справляются сами, а организатор, который остаётся до конца, рано или поздно оказывается в кадре с чьей-нибудь тётей.

Дома я принял душ и открыл шкаф. Рубашка, в которой я подписываю договоры, лежала в корзине с серой полосой на манжете, да и для вечера она не годилась: в ней я выгляжу так, будто уже подписал. Я достал тёмно-синюю, вечернюю. Две женщины в разное время спрашивали меня, где я её купил, и обе так и не узнали. Я застегнул её, посмотрел в зеркало шкафа и расстегнул верхнюю пуговицу. Потом застегнул обратно, вынул запонки и вдел другие, попроще, без камня.

Перед выходом я зашёл в ванную пригладить волосы и заметил в углу зеркала, у самой рамы, бледно-розовый след. Утром средство для стёкол до него не дотянулось. Я подцепил его ногтем, след сошёл, а розовое осталось под ногтем. Я вымыл руки, потом ещё раз вымыл руки, а потом решил, что опаздываю.

Цветы брать не стал: всё-таки деловая встреча. Взял бутылку красного из шкафа, где держу вино для клиентов, тоже деловую. Верхнюю пуговицу я в конце концов расстегнул уже в прихожей, надевая пальто.

Гостиница на том берегу оказалась из тех, где ковры в коридорах пахнут средством для чистки ковров, а в лифте играет музыка, которую никто никогда не выбирал. На четырнадцатом этаже было тихо. У двери номера тысяча четыреста двенадцать стоял поднос из-под ужина: тарелка с недоеденным салатом и чайник. Я поправил манжеты, взял бутылку на сгиб локтя этикеткой наружу и постучал в девять ноль-ноль.

Марго открыла сразу, как будто стояла у двери с часами. На ней был всё тот же брючный костюм, только туфли она сняла, а на лоб подняла очки для чтения. Мою рубашку она оглядела так же, как днём оглядывала узел галстука.

— Проходите, — сказала она.

Номер был большой и выглядел так, будто в нём живут уже несколько недель и не собираются привыкать. На кресле лежал чемодан с откинутой крышкой. Кровать была застелена, и на покрывале ровными стопками лежали папки, из каждой торчали жёлтые и красные стикеры. На верхней папке я успел прочитать слово «имущество», остальное закрывала соседняя стопка. Письменный стол был занят ноутбуком, распечатками, тремя ручками одного цвета и калькулятором.

Калькулятор был настоящий, бухгалтерский, большой, с бумажной лентой, которая уже свисала со стола до самого ковра.

Марго посмотрела на бутылку у меня на руке.

— Поставьте в мини-бар, — сказала она. — Пригодится, когда закончим.

Я открыл мини-бар. Там стояла одна бутылка воды и больше ничего. Я поставил вино рядом.

Марго села за стол, опустила очки на нос и подвинула ко мне второй стул, стоявший у стены, таким движением, каким двигают стул подчинённому на планёрке.

— Начнём с салюта, — сказала она. — Сколько стоит одна минута?

И положила палец на клавишу калькулятора.

Глава 3. Мужской разговор

— Только не рассказывай Хлое, — сказал Марк и вытянул сигарету из пачки, которую Раф положил на край стола.

Курить он бросил семь лет назад, когда Хлоя ждала второго ребёнка, и с тех пор, насколько я знаю, не сорвался ни разу. Зажигалку Рафа он отодвинул обратно. Сигарету он просто держал, перекатывая между пальцами, как держат ручку на совещании, где от тебя ничего не ждут.

— Что именно не рассказывать? — спросил я. — Что ты её держишь?

— Что я хотел.

Раф хмыкнул и записал что-то в телефон. Раф записывает в телефон всё, что может пригодиться для эфира, поэтому при нём лучше не болеть и не разводиться. Сам он развёлся три года назад и с тех пор рассказывает об этом раз в неделю, по вторникам, тридцать восемь минут без рекламы.

Насколько я помню, это был последний раз за вечер, когда кто-нибудь из нас подумал о Хлое.

Сидели мы в пабе в старом центре, который выбрал Раф. Хозяин паба слушает «Мужской разговор», и Рафу здесь всегда находят столик у окна и приносят орешки, которые остальным не положены. На стене у стойки висела его фотография с автографом, рядом с фотографией футболиста, которого я не узнал, и рыбы, которую, судя по табличке, кто-то поймал в позапрошлом веке. Был четверг, шёл дождь, и пальто на вешалке у двери пахли мокрой шерстью. Официантка носила по залу кружки по четыре в каждой руке и ни разу не пролила, и я дважды мысленно предложил ей работу.

Марк пришёл прямо со смены. От него пахло больничным мылом, глаза были красные, а рубашка мятая, хотя, судя по стрелкам на рукавах, утром её гладили. У Марка все рубашки такие: глаженые и мятые одновременно. В семь утра у него начинался операционный список, и он предупредил сразу, что уйдёт в десять.

Я пришёл из агентства. На этой неделе у нас было две свадьбы, один юбилей и одна смета на вечеринку в честь развода, которую я обсуждал в субботу в гостиничном номере до половины первого ночи. Из того номера я вышел с черновиком, исчёрканным чужой ручкой, и с неприятным чувством, что меня очень вежливо обыграли. Моё вино так и осталось в чужом мини-баре. Эту историю друзьям я рассказывать не собирался. Истории, в которых меня обыгрывают, я рассказываю через год, когда в них уже начинаю выигрывать.

Друзьям я обещал другую. Ещё в понедельник я написал в наш общий чат: «В четверг расскажу историю. Готовьтесь». Раф ответил тремя восклицательными знаками, Марк через шесть часов ответил «ок». Шесть часов для Марка — это быстро.

— Ну, — сказал Раф, когда официантка поставила перед нами кружки. — Мы готовы.

Я рассказал.

Рассказывать я умею. На свадьбах я иногда подменяю ведущего, когда тот опаздывает или напивается, и знаю, где сделать паузу, а где ускориться, чтобы зал засмеялся в нужном месте. Историю я начал с конца, с зеркала, потому что так всегда лучше: сначала надпись, потом всё остальное. Потом бар, саксофон, имя, утонувшее в главной ноте. Потом утро, корица, мои носки на ней, хлеб, обжаренный в масле. «Любимый» я перенёс поближе к началу, на вторую минуту знакомства, потому что так смешнее. Помаду сделал алой. Про сумку я рассказывать не стал. Про вопрос у окна тоже: он плохо ложился в ритм, и я не смог бы объяснить, почему не ответил на него нормально.

Раф перебивал. Он всегда перебивает, когда история ему нравится, и задаёт вопросы так, будто у него в ухе наушник и продюсер подсказывает, о чём спросить.

— Сколько ей лет?

— Около тридцати. Может, больше. При утреннем свете я бы сказал точнее, но при утреннем свете я смотрел на хлеб.

— Блондинка?

— Блондинка.

— Натуральная?

— Раф, я организатор свадеб, а не трихолог.

— Корица, — сказал Марк. Он до этого молчал. — У тебя же нет корицы.

— Не было. Она купила внизу, в пекарне, вместе с хлебом.

— В какой пекарне?

— Понятия не имею. Пакет я выкинул.

Марк кивнул и ничего не сказал. Марк знает мою кухню: он однажды две недели ночевал у меня, пока у них дома меняли трубы, и за две недели не нашёл у меня ничего, кроме оливок и шампанского. Тогда он сказал, что у меня кухня как у человека, который собирается сегодня же уехать. Я счёл это комплиментом.

— «Ты меня опять не узнал», — сказал я и сделал паузу.

Раф положил телефон на стол экраном вверх. Марк перестал крутить сигарету.

— Опять, — повторил Раф. — Значит, вы встречались.

— Значит, она меня с кем-то перепутала, — сказал я. — Меня часто путают. Я похож на человека, с которым хорошо провели время.

Раф засмеялся и записал фразу в телефон. Я видел, как он её набирает, и не возражал. Фраза была хорошая.

— Номер она оставила? — спросил Раф.

— Оставила. На чеке из пекарни, под банкой с сахаром.

— И?

— И я выкинул чек вместе с пакетом.

Раф посмотрел на меня так, будто я при нём выбросил в реку лотерейный билет. Марк ничего не сказал и положил сигарету на салфетку, ровно, как кладут инструмент на лоток.

— Я не храню чеки, — сказал я. — Кто хранит чеки, тот потом пишет сообщения в два часа ночи.

Раф записал и это.

— Фотография есть? — спросил он.

— Есть.

— Покажи.

— Не покажу. Там я небритый.

Это была правда, хотя не вся. Фотографию я с субботы не открывал, и она сползала в галерее всё ниже, под свадебные торты и схемы рассадки. Открывать её при Рафе мне почему-то не хотелось.

— А имя? — спросил Марк.

— Какое имя?

— Её.

— Марк, — сказал я, — если бы я знал её имя, это была бы скучная история про хорошую ночь. Таких у меня полгорода. А у тебя, между прочим, когда последний раз писали что-нибудь на зеркале?

— Пишут, — сказал Марк. — Мия пишет. Зубной пастой.

— Что пишет?

— Вчера было «ПАПА СПИТ». Крупно. С восклицательным знаком.

— Это просьба?

— Это констатация, — сказал Марк. — Я действительно спал. Стоя, пока чистил зубы.

Мы засмеялись. Марк засмеялся тоже, чуть позже нас, будто проверял, можно ли.

Я продолжил в том же духе, потому что вечер шёл хорошо, а когда вечер идёт хорошо, его не стоит останавливать. Я сказал, что в браке зеркало в ванной работает как доска объявлений: «купи молоко», «записать Мию к зубному», «не забудь, у мамы в субботу юбилей». Сказал, что у женатых людей помада на зеркале означает только одно: кто-то перепутал помаду с маркером для списка покупок. Сказал, что Хлоя, наверное, пишет Марку на зеркале расписание его выходных, и что это самое страстное, что пишут женатому мужчине после десяти лет брака.

— Двенадцати, — сказал Марк.

— Тем более.

— У нас график на холодильнике, — сказал Марк. — Магнитами. Кто забирает Мию, кто везёт старшего на футбол, кто выносит мусор. Я там зелёный.

— А Хлоя?

— Хлоя оранжевая. Оранжевого больше.

— Вот видишь, — сказал я Рафу. — Двенадцать лет брака, и человек сам выбрал быть зелёным магнитом.

— Мне достался, — сказал Марк. — Оранжевых было два.

Раф смеялся и записывал. Марк кивал, разглядывая пену в своей кружке, и я принял это за согласие.

Потом официантка принесла Рафу вино вместо пива, и я, пока Раф объяснял ей, что заказывал пиво, взял инициативу на себя. Бокал был тёплый, вино, судя по цвету, открыли вчера, а пиво Рафу так и не налили. Я подозвал официантку обратно и стал спокойно объяснять, что гость заказывал тёмное, что вино можно забрать, а если его всё-таки оставят в счёте, то я готов обсудить это с управляющим, который, кстати, слушает эфиры моего друга. Официантка выслушала меня с тем лицом, с каким мои официанты слушают мать невесты, и сказала, что вино за счёт заведения. Тогда я попросил оставить вино тоже. Раф смотрел на меня с восхищением, как смотрит человек, который сам никогда не умел вернуть в магазин неподошедшие ботинки.

— Слушай, — сказал Марк где-то посреди этого. — А у тебя школьные фотографии остались?

— Секунду, — сказал я. Официантка как раз несла Рафу пиво, и я хотел убедиться, что на этот раз оно тёмное.

Когда она ушла, Раф уже стучал ручкой по салфетке. Он всегда стучит ручкой, когда собирается о чём-то попросить и заранее стесняется.

— Слушай, — сказал Раф. Это у них с Марком общее, хотя Раф говорит «слушай» так, будто сейчас прозвучит заставка. — Можно я возьму это в эфир?

— Что «это»?

— Историю. С зеркалом. Без имён, разумеется. У меня есть рубрика «Разбор полётов». Мужчина просыпается с незнакомкой, не знает её имени, а она знает о нём что-то, чего он сам не помнит. Три ошибки, которые он совершил. Три вывода для слушателей.

— Какие ошибки?

— Я ещё не придумал. Придумаю к вторнику.

Он откинулся на спинку стула, понизил голос на тон и сказал в кружку, как в микрофон:

— «Друзья, добрый вечер, это „Мужской разговор“. Сегодня у нас история, которую прислал мой близкий друг. Имя я, разумеется, не назову. Он проснулся утром в собственной квартире…»

За соседним столиком две девушки обернулись. Раф заметил это и продолжил чуть громче, уже для них, и только когда официантка поставила перед ним блюдце с орешками, вспомнил, что мы не в студии.

Я засмеялся. Раф придумывает выводы к историям так же, как я придумываю тосты к свадьбам: сначала решает, как должен отреагировать зал, а потом подбирает слова.

— Бери, — сказал я. — Только скажи, что он был неотразим.

— Мужчина в эфире всегда неотразим, — сказал Раф. — Это первое, чему учишься на радио.

Он записал ещё что-то в телефон, потом подумал и записал ещё. Я посмотрел на Марка. Марк смотрел в окно. Сигарета торчала у него за ухом, и я не заметил, когда он её туда переложил.

Через полчаса Раф начал ходить вокруг да около. Он рассказал про рейтинги, про нового звукорежиссёра, который путает кнопки, про то, что хозяин паба предлагает ему вести вечер викторин. Потом сказал, что у него появилась женщина. Месяц назад, на презентации чьей-то книги. Она преподаёт историю искусств, у неё есть собака и вредная привычка смеяться над его формулами.

— И она хочет прийти ко мне в студию, — сказал Раф. — Посидеть на эфире. Говорит, ей интересно посмотреть, как я работаю.

— Не пускай, — сказал я.

— Почему?

— Женщина, которая хочет посмотреть, как ты работаешь, потом захочет посмотреть, как ты живёшь. А потом ты будешь объяснять ей, почему у тебя на кухне три вида минеральной воды.

— У меня один вид.

— Тем хуже.

— Она не такая, — сказал Раф. — Она вообще не задаёт вопросов. Мы гуляем с собакой, и она рассказывает мне про картины, а я молчу. Я на эфире говорю по сорок минут, а с ней молчу. Это нормально?

Он спросил это не эфирным голосом, а обычным, и сразу отпил пива, чтобы спрятать лицо. Я сказал, что это нормально, что женщины любят, когда мужчина молчит рядом с ними, это создаёт интригу. Сам я рядом с женщинами не молчу никогда, но Рафу этого знать было необязательно.

— Значит, пустить её на эфир? — спросил Раф.

— Не пускать, — сказал я. — Интрига.

Раф кивнул так, будто я сказал что-то глубокое, и снова записал в телефон. Я подумал, что через пару недель услышу собственную фразу в его эфире в качестве совета слушателям, и решил, что не возражаю.

— Мужчина должен держать дистанцию, — сказал Раф, уже репетируя. — Женщина ценит то, что не может получить сразу. Мужчина должен удивлять. На первом свидании мужчина должен…

— Слушай, — сказал Марк.

Он полез во внутренний карман куртки, достал кошелёк, старый, с протёртыми углами, и вытащил оттуда фотографию, сложенную вдвое. Разворачивал он её медленно, как разворачивают бинт, когда не уверены, присохло или нет. Положил на стол между кружками и придвинул к Рафу.

На фотографии были Марк и Хлоя. Марк лет на тринадцать моложе, худой, в куртке не по размеру, на коньках, с салфеткой, прижатой к носу. Салфетка была в крови. Хлоя сидела рядом на бортике катка, тоже в прокатных коньках, в огромной вязаной шапке, и смеялась так, что у неё были зажмурены глаза. Марк на фотографии смотрел не в объектив, а на неё.

— Первое свидание, — сказал Марк. — Каток. Я хотел её удивить. Показать, как умею тормозить.

— Удивил? — спросил Раф.

— Удивил. Она потом три часа сидела со мной в травмпункте. Говорила, что так интересно ей ещё ни на одном свидании не было.

Раф наклонился к фотографии ближе.

— Это что, правда кровь?

— Я тогда был на третьем курсе и прямо на льду объявил, что перелома нет. В травмпункте выяснилось, что перегородке всё-таки досталось. Хлоя сказала, что мой диагноз на льду — самое сексуальное, что она слышала в жизни, даже неправильный.

Я взял фотографию за край. Кадр был ужасный. Горизонт завален, слева в кадр влез чей-то локоть, вспышка выжгла Хлое половину лица, а Марк смотрел не туда. Я бы такой снимок в альбом не взял. Я сказал это вслух, а потом добавил, что если Марк когда-нибудь решит обновить свадебные клятвы, то я лично найду ему фотографа, который знает, куда смотреть жениху.

— И шапку эту тоже, — сказал Раф, — надо в музей. В отдел средневекового оружия.

— Хлое покажи, — сказал я. — Она тебе скажет, что ты тогда был худее.

— Она так и говорит, — сказал Марк.

Он забрал у меня фотографию, сложил её по старому сгибу и убрал в кошелёк, а кошелёк во внутренний карман. Застегнул карман на молнию.

— Слушай, — сказал он, глядя на молнию. — Я давно не видел, чтобы она так смеялась.

— Женщина смеётся, когда мужчина создаёт для неё ситуацию лёгкости, — сказал Раф. — Это доказано. Три простых шага…

— Мужчина должен выспаться, — сказал Марк. — Это первый шаг. Остальные я не помню.

Я засмеялся, потому что это было смешно, и сказал, что в таком случае лучший подарок Хлое на годовщину — путёвка для Марка в санаторий, одного, на две недели, с отключённым телефоном. Марк кивнул. Раф ещё что-то говорил про шапку, но Марк уже не слушал. Он посмотрел на запястье, хотя часов не носит: на работе их всё равно приходится снимать. На запястье у него была розовая резинка для волос. Мия надела её ему утром, и после смены он, видимо, первым делом надел её обратно.

— Мне пора, — сказал он. — Список с семи.

Было без четверти десять. Раф стал уговаривать его остаться хотя бы на одну, Марк покачал головой и положил на стол деньги, больше, чем выпил. Он всегда кладёт больше, чем выпил. Мы с Рафом давно перестали с этим спорить.

— Тебя подвезти? — спросил Раф, хотя сам приехал на автобусе.

— Вызову, — сказал Марк.

— Хорошая история, — сказал он мне, надевая куртку. — С зеркалом.

— Я знаю, — сказал я.

Он постоял ещё секунду, застёгивая куртку не на ту пуговицу, расстегнул и застегнул правильно. Я ждал, что он скажет что-нибудь ещё, про санаторий или про магниты, но он только кивнул, как кивают коллеге после консилиума, и пошёл к двери. Сигарету он так и не вернул.

Я видел его в окно. Дождь к вечеру усилился, и улица была пустая, только у аптеки напротив горела зелёная вывеска. Марк перешёл дорогу, встал под козырёк аптеки и достал телефон. Сначала я решил, что он вызывает такси. Он что-то набирал, долго, большим пальцем, наклонив голову, потом остановился, вытер экран о рукав и стал набирать снова. Козырёк у аптеки был узкий, и вода с него капала Марку прямо на плечо. Он этого, кажется, не замечал.

— Ещё по одной? — спросил Раф.

— Давай, — сказал я и поднял руку, чтобы позвать официантку.

— Он какой-то тихий сегодня, — сказал Раф, кивнув на пустой стул Марка.

— Он всегда тихий. У него двое детей и операционный список с семи.

— Раньше он смеялся громче.

— Раньше он спал, — сказал я. — Это медицинский факт. Спроси у него, он тебе объяснит на латыни.

Раф подумал и согласился. Он вообще легко соглашается, когда объяснение звучит как формула. Потом он начал рассказывать про викторины. Через стол я видел, как Марк под козырьком снова вытер экран и снова что-то набрал. Минут семь, наверное. В такую погоду машин в старом центре всегда мало, и я подумал, что надо было предложить ему подвезти, но я был без машины, а Раф живёт в другую сторону.

Когда официантка принесла кружки, я ещё раз посмотрел в окно. Под козырьком аптеки никого не было. Наверное, такси подъехало, пока я отворачивался.

Глава 4. Сорок минут

«14:10–14:50 — А.»

Это был скриншот, который Тори прислала мне в среду в одиннадцать утра без единого слова. Скриншот её рабочего календаря на день, весь в цветных прямоугольниках, как план рассадки на банкет, где никто ни с кем не хочет сидеть. Синие прямоугольники назывались «синк по продукту», «ревью метрик», «1:1 с Даной». Мой был зелёный и самый короткий. Сразу под ним, вплотную, начинался оранжевый: «15:00 — созвон, Сингапур».

Я ответил «Жду». Через секунду пришло «

». Тори не тратит слова на то, что можно выразить пальцем.

Я рассматривал скриншот дольше, чем требовалось. У всех остальных в её календаре были имена или хотя бы названия: Дана, продукт, метрики, Сингапур. Я был буквой. Сначала мне это показалось обидным, потом удобным, а потом я подумал, что в моём телефоне она записана как «Тори, календарь», и решил, что мы квиты.

Мы познакомились три недели назад на свадьбе её коллеги, которую делало моё агентство. Тори была единственной гостьей, которая подошла ко мне не за тем, чтобы пожаловаться на рассадку, а чтобы спросить, сколько у меня уходит времени на то, чтобы вернуть гостей с курилки на торт. Я сказал, что четыре минуты, если ведущий не пьян. Она записала это себе в телефон. В половине двенадцатого она уехала с той свадьбы первой из всех гостей, а через два дня прислала мне приглашение в календарь. Без вопроса, свободен ли я. Просто приглашение с двумя кнопками: «Принять» и «Отклонить».

Я принял. Это была наша четвёртая встреча, и все четыре прошли у меня. Моя квартира в шести минутах от её офиса, если идти быстрым шагом, а Тори ходит только быстрым. Вечера у неё заняты тренировками, звонками с другими часовыми поясами и подготовкой к повышению. Ночью она спит. Остаётся обеденный перерыв.

Меня это устраивало. Меня вообще устраивает всё, что заканчивается по расписанию.

Она позвонила в домофон в 14:09. Я к этому времени уже минуту стоял в прихожей, хотя ни за что бы в этом не признался. Поднималась она, судя по времени, по лестнице, потому что лифт у меня медленный, и Тори это уже знала. В дверях она стояла в сером брючном костюме, в белых кроссовках, с волосами, убранными так гладко, что на них можно было проверять уровень. На левом запястье у неё светились умные часы. Пальто она повесила на крючок сама, рядом с моими ключами, и разулась, не наклоняясь, одной ногой о другую.

— Привет, — сказала она и поцеловала меня в угол рта, на ходу, как ставят галочку.

— Кофе?

— Нет. Сорок минут.

— Как дела в Сингапуре?

— В три узнаю. — Она положила телефон на тумбочку в прихожей экраном вниз, потом подумала и перевернула экраном вверх. — Сегодня решают, кто ведёт запуск. Нас двое. Второй — мужчина пятидесяти лет, который говорит «коллеги, я буквально на секунду» и занимает сорок минут.

— Сорок минут — это много.

— Это вся моя среда, — сказала Тори и взяла телефон с собой.

Она прошла в спальню первой. Я уже говорил, что люблю, когда всё по расписанию. С Тори я начал подозревать, что люблю это меньше, чем думал, потому что расписание у неё было, а у меня теперь было только её расписание.

В спальне она сняла пиджак, повесила его на спинку кресла, расправила плечи пиджака ладонью и нажала что-то на часах. Часы коротко пискнули.

— Таймер, — сказала она. — Чтобы не смотреть.

— Ты могла бы просто не смотреть.

— Я бы смотрела. Так честнее.

Я снял часы и положил их на тумбочку, как делаю всегда. Механические часы не любят, когда их бьют о спинку кровати, а я не люблю чинить вещи, которые могу не ломать. Тори села на край кровати и посмотрела на них. Она вообще смотрит на вещи так, будто собирается их оценить и вывести в отдельную строку бюджета.

— Красивые, — сказала она. — Дорогие?

— Это часы отца.

— Подарок?

— Наследство.

Тут у меня есть история, и я её рассказал. Рассказываю я её хорошо, потому что рассказывал много раз, и всегда тем, кто знает меня меньше месяца. За эти годы она немного отшлифовалась. Платок, например, в первых версиях был клетчатый, а потом стал белый, потому что белый лучше смотрится в рассказе. Мама в первых версиях плакала, а потом перестала, потому что плачущая мама отвлекает от часов. Отец купил эти часы в тот год, когда я родился, на первую большую премию, и носил каждый день, даже в отпуске, даже на пляже. Когда мне было одиннадцать, его не стало. Часы мама отдала мне в восемнадцать, в день, когда я уезжал в город, завернув их в носовой платок. С тех пор я их не снимаю. Кроме таких случаев, как этот.

Старые друзья этой истории не слышали. Марк знает, что мой отец ушёл, когда мне было одиннадцать, просто ушёл, с чемоданом, в среду, и что больше мы о нём не говорим. Ирис тоже знает. Они никогда не спрашивали про часы, а я никогда не рассказывал им про наследство. Это две разные истории для двух разных залов, и пока залы не пересекаются, обе отлично работают.

Тори выслушала, не перебивая. Потом взяла часы с тумбочки и повертела в руках.

— Ты их чинил?

— Один раз. Чистил механизм.

— Сколько стоило?

— Как хороший костюм.

— Нормально, — сказала она. — Для актива, который не обесценивается.

Тори называет активами всё, что можно перепродать, и обязательствами всё, что нельзя. Я однажды спросил, к чему она относит меня. Она сказала, что я пока в тестовом режиме.

— Мне жаль твоего отца, — сказала она.

— Это было давно.

— Всё равно жаль.

Она сказала это просто, без всякого сочувственного лица, и мне на секунду стало неудобно. Неудобство было мелкое, примерно как камешек в ботинке, который замечаешь только на лестнице.

— А это что? — спросила Тори.

Она провела ногтем по ремешку. На коже у пряжки была свежая царапина, длинная и светлая, ещё не успевшая потемнеть. Я точно знал, откуда она: от газового баллона на служебной лестнице, в субботу, на крыше, когда мы втроём тащили его на шестой этаж и я задел ремешком перила.

— От отца, — сказал я.

Я не знаю, зачем я это сказал. Слова вышли сами. Тори подняла на меня глаза.

— Царапина свежая, — сказала она.

— Он часто… — начал я и остановился, потому что продолжения у меня не было.

Я поправил подушку, которая лежала ровно. Обычно на этом месте истории меня спасает чужое сочувствие: человек начинает говорить о своём отце, и про мои часы все забывают. Тори о своём отце говорить не стала. Она смотрела на меня спокойно и с интересом, как смотрят на график, у которого одна точка выпала из линии.

Тори подождала секунду, ровно одну. Потом положила часы обратно на тумбочку, циферблатом вверх, и сфотографировала их телефоном.

— Красиво лежат, — сказала она. — Свет хороший.

— Ты же не будешь выкладывать мои часы?

— Я не выкладываю. Я собираю референсы. — Она убрала телефон в карман брюк. — Окей. Пункт закрыт. У нас тридцать четыре минуты.

И на этом история моего отца закончилась. Так быстро меня ещё никогда не прощали, и я не был уверен, что это прощение.

Она расстегнула блузку сама, сверху вниз, не торопясь. Я протянул руку помочь, и она отвела её в сторону.

— Сначала ты, — сказала она.

С Тори всегда было так: она говорила, что делать, коротко и без паузы на возражения, и в этом не было никакой игры в строгость, она просто экономила время. Я снял рубашку. Тори посмотрела на меня с тем выражением, с каким смотрят на хорошо сделанную презентацию, и кивнула.

— Нормально, — сказала она.

— Нормально?

— Это высокая оценка. У меня шкала короткая.

Я засмеялся, и она поцеловала меня, пока я смеялся, так что смех остался у неё во рту. Целовалась Тори так же, как жила: уверенно, с ясным представлением о том, что будет дальше. Её ладони прошли по моей спине сверху вниз, нашли пояс и остановились, будто сверялись с планом. Кожа у неё была прохладная, а через минуту горячая, и я подумал, что у неё, наверное, и температура меняется по расписанию.

Дальше было быстро и хорошо. Я хорош в постели. Это одна из трёх вещей, в которых я уверен, и я сказал ей это вслух где-то посередине, когда она на секунду перестала двигаться и посмотрела на меня сверху с насмешкой.

— А две другие? — спросила Тори.

— Шампанское. И уходить до завтрака.

— Завтрака не будет, — сказала она. — Не отвлекайся.

Часы у неё на запястье коротко дрогнули. Потом ещё раз. Она глянула на экран, не поворачивая головы, одними глазами, и сказала: «Дана. Подождёт». Это был единственный раз, когда я видел, чтобы что-то в календаре Тори подождало.

— Сто двенадцать, — сказала она через минуту, снова глянув на часы.

— Что сто двенадцать?

— Пульс. — Она улыбнулась уголком рта. — Неплохо. В прошлую среду было сто четыре.

— Ты меня измеряешь?

— Я всё измеряю. Тебя тоже. Тебе же нравятся цифры.

Мне действительно нравятся цифры. Мне никогда не приходило в голову, что женщина может прийти ко мне с теми же цифрами, с какими я прихожу к ним, и что мне от этого станет так весело и так немного не по себе. Я решил посмотреть, сколько будет к концу. Она заметила это и закрыла экран ладонью.

— Не подглядывай, — сказала Тори. — Это мои метрики.

Я перевернул её на спину, и она это позволила, но с таким видом, будто утвердила моё предложение с правками. Простыня сбилась к ногам. Я стоял коленями на матрасе, и складка ткани прошла у меня под левым коленом, по тому месту, которого никто не трогает.

Темнота. Чужие пальцы под коленом. Она не искала, она сразу положила их туда, на маленький жёсткий рубец, как кладут палец на нужное слово в книге, которую читали много раз. Подержала и не убрала, когда я дёрнулся.

— Ты где? — спросила Тори.

— Здесь.

— Неправда. Ты в другом месте. У тебя лицо как у человека, который вспоминает пароль.

— Здесь я, — сказал я и поцеловал её в шею, под самым ухом, и почувствовал, как она улыбнулась.

— Докажи, — сказала Тори.

Это было сказано не кокетливо, а деловым тоном, тем же, каким она, наверное, говорит на ревью «покажите данные». Я сдвинулся так, чтобы колено легло на ровный матрас, без всяких складок, и доказывал. Она перестала говорить. Впервые за четыре среды Тори ничего не комментировала, только дышала мне в плечо всё чаще и в какой-то момент коротко засмеялась, от неожиданности.

Судя по тому, как она потом выдохнула и вцепилась пальцами мне в плечо, проверка была пройдена. Я старался.

Таймер зазвенел в 14:48, на две минуты раньше, чем стояло в календаре. Видимо, Тори закладывает время на одевание так же, как я закладываю время на то, чтобы гости дошли от курилки до торта. Звук был противный, пронзительный, как сигнализация в чужой машине. Тори выключила его, не глядя, большим пальцем, и села на кровати.

Я лежал и ждал, что сейчас начнётся быстрое одевание, пиджак со спинки кресла, кроссовки одной ногой о другую. Я знал этот порядок по трём предыдущим средам.

Тори наклонилась и поцеловала меня ещё раз. Медленно, совсем не так, как в дверях и не так, как полчаса назад. Она держала мою голову ладонью за затылок, и я чувствовал, как её часы холодят мне шею. Это длилось, наверное, секунд десять. Для человека, у которого на созвон с Сингапуром оставалось двенадцать минут, это было очень много.

Потом она отстранилась и встала.

— Что это было? — спросил я.

— Ничего, — сказала Тори. — Внеплановое.

Я перебрал в голове варианты, как перебираю причины, по которым невеста за неделю до свадьбы вдруг меняет цвет салфеток. Она нервничает перед созвоном. Ей понравилось больше обычного. Она что-то решила и не сказала мне, что именно. Последний вариант мне не понравился, и я его вычеркнул. Остальные два меня устраивали, и я остановился на втором, потому что он был обо мне.

Она оделась за три минуты. Я засёк, потому что мне было интересно, и потому что больше мне делать было нечего. Блузка, брюки, пиджак, на ходу волосы, которые опять стали такими гладкими, будто она их не распускала. В ванной она достала из сумки дорожную зубную щётку в пластиковом футляре и пасту размером с палец.

— У меня созвон, — сказала она сквозь пену. — Не хочу, чтобы в Сингапуре знали, что я обедала.

— Ты не обедала.

— Тем более.

Я стоял в дверях ванной и смотрел, как она чистит зубы, ровно две минуты, по часам на запястье, не отрывая глаз от экрана. Она прополоскала щётку, стряхнула и уже собиралась убрать её обратно в футляр.

— Оставь здесь, — сказал я. — Раз уж у нас по средам.

Тори посмотрела на щётку, на мой стакан у раковины, потом на меня. Подумала ровно столько, сколько думают над пунктом, который не влияет на бюджет.

— Окей, — сказала она. — Логично.

И поставила свою щётку в мой стакан, рядом с моей. Две щётки в одном стакане. У меня их там не стояло уже года четыре, и я решил, что это ничего не значит, просто логистика.

У двери она надела кроссовки, одну о другую, и сняла пальто с крючка.

— Если пройдёт, — сказала она, — меня могут перевести. Не сразу. Весной.

— Куда?

— Туда, откуда звонят. — Она проверила телефон. — Если спросят про метрики удержания, я говорю «двенадцать процентов», а не «около двенадцати». «Около» звучит как оправдание.

— Двенадцать процентов, — повторил я.

— Спасибо, — сказала Тори так, будто я ей действительно помог, и ушла в 14:52.

Дверь закрылась тихо. Лифт она опять не стала ждать, и я слышал, как кроссовки быстро идут вниз по лестнице, пролёт за пролётом, ровно, без остановок, как метроном.

Я подошёл к окну. Через минуту Тори вышла из подъезда, на ходу надевая пальто, и пошла через двор к улице, не оглядываясь на мои окна. На переходе загорелся красный, и она перешла на красный, потому что машин не было, а ждать было неэффективно. Потом она свернула за угол, где стоит её офис, и я стоял ещё какое-то время, глядя на угол, хотя за углом уже ничего не происходило. Из моей квартиры опять ушли первыми.

Я вернулся в спальню. Простыня так и лежала сбитая к ногам. Часы были на тумбочке, циферблатом вверх, как она их положила, и я некоторое время смотрел на царапину у пряжки, не надевая их. Потом сел на край кровати и согнул левую ногу.

Шрам у меня маленький, сантиметра три, белый и чуть выпуклый, прямо под коленной чашечкой, с внутренней стороны. Летом я ношу брюки, даже на пляжных свадьбах, где жених в шортах, а ведущий босиком. Мне говорят, что я так выгляжу элегантнее, и я не спорю. Женщины его не находят. В темноте никто не ищет у мужчины под коленом, а при свете я поворачиваюсь так, чтобы его не было видно. Это несложно, я двадцать лет так поворачиваюсь.

Мама, конечно, знает, но мама живёт в четырёх часах на поезде, и о моих коленях мы с ней не разговариваем лет двадцать, у нас хватает других тем, которые мы обходим. Марк про него не знает, хотя две недели жил у меня. Ирис не знает, хотя знает про меня почти всё остальное. Я никому не рассказывал, откуда он, потому что история эта не из тех, что хорошо звучат за столом. Получил я его на школьной сцене, и видели это только те, кто в тот вечер был в зале.

Я провёл по шраму большим пальцем, как она тогда. Он был такой же, как всегда, жёсткий и нечувствительный.

Потом я надел часы, застегнул ремешок и пошёл в агентство. В 15:40 у меня была дегустация тортов, а опаздывать на дегустации я себе не разрешаю.

Глава 5. Женщина за рулём

— Так нас никто не увидит, — сказала Ада и выключила дворники.

Машина уже стояла на ручнике в дальнем углу пустой парковки. Дождь шёл с самого утра и не прекращался весь день. Через несколько секунд лобовое стекло превратилось в мутную воду, в которой расплылся единственный фонарь у шлагбаума. Я держался за ручку над дверью и делал вид, что держусь просто так.

— Зачем тебе это? — спросил я. — Без дворников.

— Я целый день вижу всё насквозь, — сказала Ада. — Планы, разрезы, сроки. Мне нравится полчаса не видеть.

— А мне что делать эти полчаса?

— Сидеть рядом. У тебя хорошо получается.

Я отпустил ручку. Ада улыбнулась одним уголком рта.

По дороге сюда мы долго стояли на светофоре у моста, и я спросил, над чем она сейчас работает.

— Дом, — сказала Ада. — Старый, кирпичный. Хозяйка разводится.

— И перестраивает дом?

— Начинает с кухни. Между кухней и гостиной стоит стена. Двадцать лет назад её поставил муж, ему нужен был кабинет.

— А теперь кабинет не нужен.

— Ему теперь в этом доме ничего не нужно, он живёт в другом месте. — Загорелся зелёный, и Ада тронулась. — Она хочет эту стену снести.

— Так снесите.

— Стена несущая.

Я сказал, что для развода это даже красиво: двадцать лет стена держала дом, а теперь её убирают. Ада посмотрела в зеркало и перестроилась в правый ряд.

— Ничего красивого, — сказала она. — Если её просто снести, второй этаж окажется на первом. Конструктор посчитает балку, балку привезут краном и будут заводить через окно, окно придётся расширять. Это дорого и долго.

— Дорого — это сколько?

Ада назвала сумму. Я по привычке перевёл её в свадьбы: выходило две средних или одна с салютом и живым оркестром.

— И что клиентка?

— Сказала: «Ставьте балку. Мне нужно видеть кухню из гостиной». Я её понимаю.

— Видеть кухню из гостиной?

— Видеть всё сразу, — сказала Ада. — Когда двадцать лет смотришь в стену.

— А тебе? — спросил я.

— Что мне?

— Тебе тоже хочется видеть всё сразу?

Ада включила поворотник.

— Мне хочется, чтобы балку привезли до морозов, — сказала она.

Я сказал, что её клиентке повезло с архитектором, который понимает такие вещи. Мне казалось, я вижу Аду насквозь: женщину, которая перестраивает чужие дома, потому что не может перестроить свой. Ада молчала, и я принял её молчание за согласие.

Мы встречались третий раз. Познакомились две недели назад на старой ткацкой фабрике у реки, которую переделывают под площадку для мероприятий. Я приехал смотреть зал для зимней свадьбы. Зал был длинный, с окнами почти до пола, а посередине шёл ряд чугунных

колонн. У одной из них стояли прораб в оранжевом жилете и женщина в каске и резиновых сапогах. Чертёж лежал на подоконнике, углы прижаты двумя кирпичами.

— Эта мешает, — говорил прораб и стучал по колонне костяшками пальцев. — Здесь будет танцпол. Заказчик хочет ровный зал.

— Колонна держит перекрытие, — сказала женщина, не поднимая головы от чертежа.

— Перенесём.

— Куда?

Прораб показал рукой куда-то в сторону. Женщина посмотрела на его руку, потом на потолок, потом снова на чертёж.

— Можно и убрать, — сказала она. — Танцпол выйдет очень просторный. Но ненадолго.

Я засмеялся. Прораб обернулся, увидел меня и обрадовался.

— Вот, — сказал он. — Организатор. Ему нужен танцпол.

— Мне нужно, чтобы гости потом ушли с него своими ногами, — сказал я.

Женщина посмотрела на меня так, будто впервые заметила, что в зале есть кто-то ещё, и сняла каску.

— Сколько у вас гостей?

— Сто двадцать.

— Где будет стол для торта?

Этого вопроса мне не задавал ещё ни один архитектор. Я показал на дальний угол, у торцевой стены. Она кивнула, вытянула рулетку от колонны до окна и посмотрела на цифру.

— Музыканты будут? — спросила она.

— Квартет.

— Не ставьте у окна. Рамы старые, зимой из них дует, скрипачи будут играть в перчатках.

Прораб подошёл к окну, потрогал раму и ничего не сказал.

— Тогда танцпол будет здесь, — она показала на пустое место у окна. — А колонну обойдёте вальсом. Вальс как раз для того и придуман, чтобы обходить препятствия.

— А если гости не умеют вальс? — спросил прораб.

— Тогда пусть стоят у колонны с бокалами, — сказала она. — Трогать её всё равно нельзя.

Прораб записал это в блокнот, как будто это было техническое решение. Я попросил у Ады визитку. Она дала, и на визитке было только имя, телефон и слово «Архитектор», без фамилии и названия бюро.

Кольцо у неё на руке я увидел сразу. Тонкое, белого золота, без камня. Это была первая вещь, которую я в ней заметил, раньше лица и раньше голоса. Меня такие кольца не останавливают.

Машина у Ады была старый тёмный универсал, внутри пахло мокрым картоном и чем-то химическим, кажется, калькой. На заднем сиденье лежали тубусы с чертежами, штук шесть, и рулон миллиметровки, перетянутый резинкой. Сама Ада сидела за рулём прямо, не касаясь спинки, в сером свитере с высоким горлом. Волосы у неё были тёмные, с серебряной прядью у левого виска, которую она не закрашивала.

Первой всегда писала она. Писала одно слово, «сегодня?», и, если я отвечал «да», через полчаса стояла у агентства с выключенными фарами. Где мы встретимся, решала она. Сколько это продлится, тоже она, хотя вслух об этом не говорила. Про мужа она не сказала ни слова за все три встречи, кроме одного, в первый вечер: «Я замужем. Ты видишь кольцо, я вижу, что ты видишь. Давай больше не будем об этом».

Я, конечно, тут же начал об этом думать. У меня есть профессиональная привычка: по одной детали восстанавливать всю свадьбу. Тонкое кольцо без камня значит, что выбирала она, а не он. Если выбирала она, значит, он на выборе не настаивал. Если не настаивал, значит, ему было всё равно или он во всём ей уступал. Если уступал, значит, ей с ним скучно. Если

скучно, значит, женщина под сорок с серебряной прядью и чертежами на заднем сиденье сидит под дождём в машине с выключенными дворниками, потому что дома ей не с кем говорить о колоннах. К концу второй встречи я составил на этого мужа полное досье и был им, в общем, недоволен.

Склад стройматериалов за парковкой был закрыт, фонарь горел один, далеко, у шлагбаума. Ада заглушила двигатель, и дождь сразу стал громче, как бывает в машине, когда выключаешь мотор. Часы на приборной панели показывали 19:06. Ада посмотрела на них, потом опустила своё стекло на два пальца, и в машину вошёл запах мокрого асфальта и цементной пыли. Я подумал, что ей душно от волнения. Она подняла стекло обратно, когда в щель начало заливать.

— Здесь мой объект, — сказала она. — По понедельникам после шести никого.

— Ты привозишь сюда всех?

— Я привожу сюда цемент, — сказала Ада. — Тебя впервые.

Она отстегнула ремень и повернулась ко мне. В машине было тепло от печки, и стёкла начали запотевать изнутри, сначала по краям, потом всё сразу. Я смотрел, как исчезает фонарь у шлагбаума. Ада смотрела на меня.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О том, что ты рискуешь.

— Чем?

— Всем, — сказал я.

Мне эта реплика понравилась. Она звучала как реплика героя в кино, которое смотрят вдвоём в субботу вечером. Ада подумала над ней ровно секунду.

— Здесь нет камер, — сказала она. — Я проверяла, когда сдавали ограждение.

И поцеловала меня.

Целовалась Ада так же, как вела машину: спокойно, точно и в собственном темпе. Её свитер пах сырой шерстью, а кожа на шее, под горлом свитера, была горячей. Я потянул этот высокий воротник вниз, и она перехватила мою руку, подержала её, будто взвешивала, и сама сняла свитер через голову, одним движением, не растрепав волос. Под свитером была простая чёрная майка, ничего из того, что женщины надевают специально для свидания, и почему-то именно это мне понравилось больше всего: она не готовилась ко мне, она просто поехала после работы.

— Назад, — сказала она.

На заднем сиденье лежали тубусы. Ада переложила их в багажник через спинку, по одному, аккуратно, не торопясь, хотя я уже был готов выкинуть их в окно. Рулон миллиметровки она подвинула к двери и подложила под него свою сумку, чтобы не помялся. Я ждал и думал, что ни одна женщина ещё не заставляла меня ждать, пока она уберёт чертежи.

В машине было тесно. Моя голова упиралась в потолок, колено в спинку переднего сиденья, и в какой-то момент я задел ногой рычаг, и спинка водительского кресла с грохотом откинулась назад. Ада засмеялась мне в плечо.

Было жарко и неудобно, и неудобство было частью дела. Окна запотели так, что мир снаружи перестал существовать: не было ни склада, ни фонаря, ни дождя, только стук воды по крыше и её дыхание. Ада всё делала сама. Она решала, когда сдвинуться, когда замереть, когда взять мою ладонь и переложить туда, где она должна была быть. Я давно не чувствовал себя таким нужным.

Я думал о её муже. Я не хотел о нём думать, но думал: о том, что он сейчас дома, ставит чайник, смотрит на часы, может быть, звонит ей, а она не берёт трубку, потому что она здесь, со мной, на заднем сиденье, среди миллиметровки. Это была опасная мысль, и от неё было жарче.

Потом мы сидели рядом, плечом к плечу, и Ада смотрела на запотевшее лобовое стекло между передними креслами. Она протянула руку вперёд и написала на стекле пальцем дату, я

понял это по точкам между цифрами. Прочитать я не успел: она провела по стеклу ладонью и стёрла всё целиком. На стекле осталась чистая полоса, и в ней был виден фонарь у шлагбаума.

— Что это? — спросил я.

— Ничего. Срок.

— Сдачи объекта?

— Можно и так сказать, — сказала Ада.

Я решил, что это день, когда она уйдёт от мужа. Не знаю почему. Мне понравилась эта мысль, и я её оставил.

В бардачке я искал салфетки. Салфеток там не было, зато лежали ключи с биркой «Склад, ворота 2», рулетка, пачка мятных леденцов и детский рисунок, сложенный вчетверо. Я его развернул, прежде чем подумал, стоит ли. Рисунок был фломастерами: дом с треугольной крышей, в доме окно, в окне кровать под розовым одеялом, а над кроватью кто-то нарисовал звёзды и луну с глазами. В углу неровными печатными буквами было написано: «МОЯ КАМНАТА».

— Это кто рисовал? — спросил я.

Ада взяла у меня рисунок, посмотрела на него и сложила обратно по тем же сгибам.

— Заказчик, — сказала она и убрала его в бардачок. — Очень требовательный. Хочет звёзды на потолке и чтобы луна смотрела.

Она улыбнулась так, что спрашивать дальше было неудобно. Я и не спрашивал. Я решил, что у неё есть ребёнок, о котором она не говорит, и что по вечерам она проектирует ему эту комнату, пока папа смотрит телевизор.

Ада наклонилась ко мне и поцеловала ещё раз, уже медленнее. Я обнял её, и в эту секунду у неё в сумке зазвонил телефон.

Ада отстранилась сразу. Она не вздрогнула и не испугалась. Достала телефон из сумки, посмотрела на экран.

— Да, — сказала она в трубку. — Да. Через сорок минут. Нет, корм я купила. Хорошо.

Голос у неё был ровный, домашний, без всякого напряжения. Она слушала, кивая, и одновременно другой рукой нашла на полу свой свитер, расправила его на коленях и вывернула правильной стороной.

— Хорошо, — сказала она ещё раз. — Пока.

Я сидел рядом и чувствовал, как у меня колотится сердце. В кино в этом месте женщина говорит мужу, что задерживается на работе, и голос у неё дрожит, а любовник смотрит на неё из темноты и понимает, какой ценой ей дались эти полчаса. Я смотрел на неё из темноты и понимал. Голос у неё не дрожал, но я решил, что это высший класс самообладания, которому учит долгий несчастливый брак.

— Это был он? — спросил я.

Ада надела свитер через голову и поправила воротник.

— Нам пора, — сказала она.

— Ада, — сказал я. — Ты не обязана так жить.

Я сказал это тихо и серьёзно, глядя на неё сбоку, как говорят такие вещи в кино. Мне казалось, что эта фраза давно ждала, чтобы её кто-нибудь сказал.

Ада повернулась ко мне. Она посмотрела на меня с интересом, без всякой обиды, как смотрят на студента, который на защите проекта уверенно предлагает снести опорную колонну.

— Как «так»? — спросила она.

— Так. Под дождём, на парковке. Врать по телефону.

— Я не врала, — сказала Ада. — Корм я правда купила.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю. — Она поправила зеркало заднего вида на сантиметр влево. — Это несущая стена, Алекс. Её не трогают.

Я не понял, что она имеет в виду, и решил, что это метафора её брака, которую она сама боится договорить до конца. Мне стало её очень жаль. Это было приятное чувство, и я его не торопил.

Она перебралась на водительское место, вернула спинку кресла в прежнее положение, проверила зеркала и включила печку на полную мощность, чтобы отпотели стёкла. Пока стёкла отпотевали, она достала из бардачка мятный леденец, положила в рот, а второй протянула мне. Я взял. Мы ждали, пока станет видно фонарь. Ада смотрела на часы на приборной панели. Было 19:52. От 19:06 прошло сорок шесть минут. Я отметил это машинально, по привычке человека, который всю жизнь считает тайминг, и сразу забыл: у нас с ней никто ничего не засекал.

Обратно мы ехали молча. Ада вела медленно и по правилам, включала поворотники даже на пустых перекрёстках и пропускала каждого пешехода. Я смотрел на её руки на руле. Кольцо на безымянном пальце поблёскивало, когда мы проезжали под фонарями, и гасло между ними. Я подумал, что через несколько месяцев она его снимет, и что я буду помнить эту машину, этот дождь и этот запах кальки, и что, может быть, она тоже будет их помнить. Мне нравилось быть тем, кого помнят.

Она довезла меня до агентства и остановилась напротив, на другой стороне улицы, у закрытой химчистки. Дождь почти кончился, и дворники работали медленно, с одинаковым скрипом. Ада не глушила двигатель.

— В четверг, может быть, — сказала она. — Я напишу.

— Я буду ждать.

— Не надо ждать. Просто ответь, если сможешь.

Я взялся за ручку двери. Ада смотрела на вывеску над входом в агентство через дорогу. Вывеску мне делали шесть лет назад: «Хэппи Энд», белыми буквами на тёмно-зелёном, буква «Э» чуть ниже остальных, потому что мастер прикрутил её на день позже. Я так и не стал переделывать. Клиенты считают, что это задумано.

— Кстати, — сказала Ада. — Я всё собираюсь спросить мужа, кто тогда посоветовал нам твоё агентство на свадьбу.

Я так и остался сидеть, держась за ручку двери.

— Какую свадьбу?

— Нашу. Пять лет назад. Вы нам делали.

Она сказала это тем же тоном, каким говорила прорабу про колонну. Не спросила, помню ли я. Она, судя по всему, и так знала, что не помню.

— Не знаю, — сказал я. — Нас многие советуют.

— Наверное, — сказала Ада.

Она дождалась, пока я выйду и закрою дверь, включила поворотник и уехала.

Я стоял на тротуаре и смотрел ей вслед, пока задние огни не свернули за угол. Потом перешёл дорогу, открыл агентство своим ключом и, не снимая мокрого пальто, сел за компьютер Оскара. Папка «Архив» у нас разложена по годам. Пароль Оскар меняет каждый месяц и каждый месяц приклеивает его на жёлтом листочке под клавиатуру, считая, что это надёжно. Я открыл год пятилетней давности. В нём была сорок одна свадьба. В каждой папке лежали смета, договор, тайминг и фотографии, и я пролистал превью: торты, арки, первые танцы, невесты в фате и без, женихи, которые смотрят в камеру, и женихи, которые смотрят на невесту. Свадьбы я помню по провалам и по тортам. В тот год и тортов, и провалов хватало, а лиц я не помнил ни одного.

В списке заказчиков тоже не нашлось ни одного знакомого имени, потому что фамилии Ады я не знал. Я её ни разу не спросил.

Глава 6. Обратная связь

«Я решила, что больше не буду приезжать по средам».

Этой строкой начиналось письмо, которое пришло мне в среду в 8:14. В теме стояло «Обратная связь», и это было единственное, что в нём напоминало рабочую почту. До сих пор письма с темой она присылала мне только одного вида: приглашения в календарь с кнопками «Принять» и «Отклонить».

Прочитал я его в агентстве, у кофемашины. Кофемашина в то утро наливала только горячую воду, и я стоял с чашкой кипятка, а Оскар за своим столом разговаривал по громкой связи с пиротехником. Ещё в гостинице Марго спросила у меня, сколько стоит одна минута салюта, и с тех пор этот вопрос жил своей жизнью.

— Он спрашивает, считать ли паузы, — сказал Оскар и прикрыл телефон ладонью.

— Какие паузы?

— Между залпами. Минута с паузами выходит дешевле.

— Паузы не считаем.

Оскар убрал ладонь и сказал в телефон: «Без пауз». Пиротехник начал что-то долго объяснять про ветер. Я открыл письмо целиком.

Обратная связь

От: Тори · Среда, 08:14

Алекс, привет.

Я решила, что больше не буду приезжать по средам. Хотела сказать лично, но тогда опять пришлось бы выделять время в календаре, а это уже какой-то абсурд.

Мне было хорошо с тобой. Правда. И дело не в том, что ты сделал что-то не так.

В прошлую среду я ушла от тебя в 14:52, а на созвон подключилась в 15:03. Никто не заметил. Я заметила. И задержалась я сама, так что не вздумай брать это на себя.

Запуск отдали мне. Весной, скорее всего, перееду в Сингапур. В пятницу на ревью поймала себя на том, что думаю о нашей среде. Мне сейчас нельзя отвлекаться настолько.

Знаешь, что я ещё заметила? Ты четыре раза спрашивал, как у меня дела с Сингапуром. А как прошёл созвон, так ни разу и не спросил. И когда тебе неловко, ты начинаешь поправлять вещи, которые и так лежат ровно.

Я всё обдумала. Продолжать не хочу.

И ещё щётка. Заберу сегодня в 13:10, буду возле твоего подъезда. У меня пять минут.

Встречу на следующую среду отменю сама.

Спасибо за наши среды.

Тори

Второй раз я прочитал письмо медленнее, чем за всю жизнь читал хоть один договор.

В моей работе такие письма приходят именно по утрам. Невеста пишет в восемь утра «мы всё отменяем», а к обеду выясняется, что ей нужен другой торт, другая ведущая и чтобы её немного поуговаривали. Свадьбы, которые отменяют всерьёз, отменяют иначе: звонком в слезах или письмом от юриста. Письмом с темой «Обратная связь» отменяет тот, кто хочет поторговаться. Я поставил чашку на кофемашину и стал искать в письме, где торг.

Торг нашёлся в третьем абзаце. «Задержалась я сама». Я отлично помнил, на что ушли её лишние минуты: на поцелуй после таймера, медленный, с ладонью у меня на затылке. Неделю назад я решил, что ей понравилось больше обычного. Теперь выходило, что понравилось настолько, что она опоздала на главный созвон своей карьеры, испугалась и села писать мне письмо. Женщина, которая из-за тебя опаздывает в Сингапур, а потом пишет «не вздумай брать это на себя», уже отдала это тебе в руки. Я перечитал этот абзац ещё раз, и с каждым разом он нравился мне больше.

С её замечанием про созвон было хуже. Я стал вспоминать наши среды и ни в одной не нашёл вопроса «как прошло». «Как дела в Сингапуре» я спрашивал в дверях, потому что в дверях это хорошо звучит, а к 14:52 разговор всегда был уже о другом: о кроссовках, о медленном лифте, о двенадцати процентах. В прошлую среду она узнала, кто ведёт запуск. А я потом пробовал фисташковый бисквит и спорил с кондитером о креме.

Пакетики с сахаром в коробке у кофемашины стояли по цветам, белые к белым, коричневые к коричневым. Я заметил, что выравниваю их, и убрал руку в карман.

— Вам кофе? — спросил Оскар. С пиротехником он уже закончил.

— Она наливает воду.

— Её надо выключить и включить.

— Я выключал.

— Не так, — сказал Оскар.

Он встал, вытащил вилку из розетки, постоял, шевеля губами, и воткнул обратно. Кофемашина загудела и налила мне эспрессо. Оскар сел на место и ничего не прокомментировал. У Оскара это высшая степень вежливости.

— Ферран? — спросил он, кивнув на мой телефон. Я, оказывается, всё ещё держал его в руке экраном к себе.

— Нет. Небольшой клиент. Передумал.

— Предоплата была?

— Не было.

— Тогда ладно, — сказал Оскар. Что лежит у нас на счёте после аванса Ферран, он знал лучше меня, и клиенты без предоплаты его не волновали. Он вернулся к салюту.

Телефон у меня в руке дрогнул. «Серия встреч отменена организатором: по средам, 14:10–14:50 — А.» Следующую среду Тори отменила, как и обещала, а вместе с ней и все остальные. Я открыл календарь. Зелёных прямоугольников больше не было ни в одной среде.

Оставалась щётка.

Всю неделю, бреясь по утрам, я видел в стакане у раковины две щётки: свою и её, белую, с зелёной полоской на ручке. Каждое утро я говорил себе одно и то же: она оставила у меня щётку. Женщины не оставляют щётки где попало. Щётка в чужом стакане — это бронь, а площадку бронируют, когда собираются вернуться. В четверг я даже отодвинул свою к стенке, чтобы её щётке было свободнее. Теперь бронь снимали, и я уже начал думать, что Тори забирает назад свою территорию, когда вспомнил, как всё было.

«Оставь здесь. Раз уж у нас по средам».

Это сказал я. Она стояла над раковиной с мокрой щёткой и уже открывала футляр, а я стоял в дверях ванной. Она посмотрела на стакан, на меня и сказала: «Окей. Логично». Бронь поставил я, а она просто не стала спорить с логистикой.

Я допил эспрессо. Было без двадцати девять.

В десять у меня была примерка. Невеста выходила замуж в платье своей бабушки и хотела, чтобы никто не догадался, что платье бабушкино. Портниха хотела отрезать рукава. Обе ждали, что я их рассужу, и обе заранее были уверены, что я на их стороне.

— Рукава тянут, — сказала портниха. Говорила она сквозь булавки, зажатые в губах, и поэтому коротко. — Их надо убирать.

— Бабушка была в рукавах, — сказала невеста.

— Бабушка была в шестьдесят втором году.

Невеста стояла на табурете посреди мастерской и держала руки чуть на отлёте, чтобы не задеть булавки. Кружево на рукавах пожелтело ровно настолько, чтобы его можно было назвать «цвет слоновой кости» и взять за это лишние деньги.

— Рукава оставляем, — сказал я. — Только до локтя. В рукаве до запястья невеста не может одновременно держать бокал и букет, я это видел на одиннадцати свадьбах. А бабушкины манжеты перешьёте на край.

Портниха вынула булавки изо рта, подумала и воткнула их в подушечку на запястье.

— До локтя можно, — сказала она таким голосом, будто это была её идея.

Невеста согнула руку в локте, оглядела рукав и сказала, что вчера показывала платье маме.

— И как прошло? — спросил я.

Невеста удивилась. Обычно я спрашиваю, во сколько мама приедет на сборы.

— Хорошо, — сказала она. — Мама плакала. Это хорошо?

— Для мамы — да.

Она слезла с табурета, придерживая подол, и сказала, что у меня сегодня очень спокойное лицо. Я поблагодарил. Работаю я хорошо в любом настроении.

В 12:30 я надел пальто.

— Вы куда? — спросил Оскар.

— Домой. За щёткой.

— Ага, — сказал Оскар и записал что-то в планшет.

Я не стал спрашивать что.

Такси довезло меня за восемнадцать минут. Её щётка стояла в стакане там, где я её оставил, ближе к краю. Я вынул её, зачем-то сполоснул, хотя она была сухая, и только тогда понял, что не знаю, во что её положить. Отдавать щётку голой, из рук в руки, посреди двора было как-то неправильно. Голыми из рук в руки передают ключи от машины.

Пакетов на кухне не нашлось: всё, что приносит домработница, она и уносит. В шкафу в прихожей стояла коробка с образцами, оставшимися со съёмки для каталога, — маленькие белые коробочки для бонбоньерок с тиснением «Хэппи Энд» и атласные ленты трёх оттенков. Я выбрал коробочку, положил в неё щётку, и щётка легла по диагонали так точно, будто коробку делали под неё. Ленту я сначала взял цвета шампанского и завязал бантом. Получился подарок гостю на свадьбе, после которого гость ищет внутри конфету. Я развязал бант и завязал ленту простым узлом. Так было больше похоже на возврат товара. Узел я оставил. Было 13:02, и вниз я спустился за восемь минут до назначенного.

Во двор Тори вошла в 13:09. Пальто на ней было застёгнуто на все пуговицы, под ним виднелся всё тот же серый костюм, на ногах белые кроссовки. Шла она быстро, но без той скорости, с какой шла в среды. Увидев меня у подъезда, она кивнула.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Она посмотрела на коробку у меня в руках.

— Это что?

— Щётка.

— В коробке?

— Так мы упаковываем бонбоньерки.

— Что такое бонбоньерки?

— Подарки гостям. Обычно внутри конфеты.

Тори кивнула, развязала мой узел, открыла коробку и достала щётку. Из кармана пальто она вынула пластиковый футляр, тот самый, дорожный, и защёлкнула щётку в нём. Футляр она убрала обратно в карман, ленту положила в коробку, а коробку протянула мне.

— Оставь себе, — сказала она. — Для конфет.

Я взял коробку. Она была пустая и почти ничего не весила, а я держал её двумя руками.

— Как прошёл созвон? — спросил я.

Тори подняла на меня глаза.

— Неделю назад? Хорошо. Я же написала.

— Я хотел спросить сам.

— Окей, — сказала она. — Засчитано.

— Поздравляю.

— Спасибо. Сегодня утверждали команду. Дану забираю к себе.

Про Дану она сказала с большим удовольствием, чем про всё остальное. Я не знал, кто такая Дана, кроме того, что в календаре у Тори она стояла в синем прямоугольнике «1:1», и что в прошлую среду она подождала. Спрашивать сейчас было поздно.

Её часы коротко дрогнули. Тори глянула на экран, не поднимая руки.

— У меня обед с командой в 13:20, — сказала она. — За углом. Я его сама назначила, опаздывать нельзя.

— В субботу, — сказал я. — Ужин. Не в среду и без таймера. Есть место у моста, там для меня держат столик у окна.

Я говорил быстро, с коробкой в руках, и слышал, что говорю быстро. Следующую встречу я никогда в жизни не предлагал первым. Обычно мне хватало на неё соглашаться, и я плохо представлял, как это делается, но был уверен, что делается это без коробки.

— Нет, — сказала Тори.

— Ты даже не подумала.

— Я думала с пятницы. Поэтому и письмо.

— В субботу вечером у тебя ничего нет. Ты сама говорила: по вечерам тренировки, ночью ты спишь. А по субботам тренировка утром.

— Алекс, — сказала она. — Нет.

Сказала она это без всякого нажима, тем же голосом, каким в прошлую среду сказала в дверях «Сорок минут». Я замолчал. С таким голосом можно спорить, только если у тебя есть цифры, а цифр у меня не было.

— Это из-за царапины? — спросил я.

— Какой царапины?

— На ремешке. На часах.

Тори подумала. Было видно, что она честно ищет это где-то у себя в голове и не находит.

— А, — сказала она. — Нет. Это из-за меня. Весной у меня будет другой часовой пояс. Я не запускаю то, что потом не смогу поддерживать.

Часы у неё дрогнули ещё раз. Теперь она подняла руку и прочитала. На экране я успел увидеть чьё-то имя и слово «ну?». Имя я не разобрал.

— Подруга, — сказала Тори. — Спрашивает, как прошло.

— И что ты ей ответишь?

— Что нормально.

— Нормально — это высокая оценка, — сказал я.

— Да, — сказала Тори. — У меня шкала короткая.

Она протянула мне руку. Я переложил коробку в левую и пожал её руку, потому что не придумал, что ещё с ней сделать. Ладонь у неё была прохладная и сухая. Пожала она коротко, один раз, как после подписанного акта, и отпустила.

— Пока, Алекс.

— Пока.

Она пошла через двор к улице. На переходе горел красный, машин не было, и в прошлую среду она перешла бы не глядя. Сегодня Тори остановилась у края тротуара, достала телефон и, пока горел красный, что-то печатала большим пальцем. Было 13:14. Я стоял у подъезда с коробкой для конфет и смотрел, как она ждёт зелёного, и думал, что уходить ей всё-таки не хотелось, иначе зачем человеку, который всю жизнь переходит на красный, стоять на пустом

перекрёстке. Потом загорелся зелёный. Тори перешла, не оглядываясь, убрала телефон в карман и свернула за угол.

В агентство я вернулся в начале третьего. Оскар сидел над сметой Марго и при моём появлении ни о чём не спросил. Коробку я поставил на стол рядом с клавиатурой, ленту положил сверху.

В 14:10 я посмотрел на часы. Обычно в это время Тори уже поднималась ко мне по лестнице, а я ждал у двери. Сегодня я сидел в агентстве, и никто никуда не спешил. Свободную среду я тратил на то, чтобы смотреть на коробку для конфет. Потом открыл календарь и поставил на следующую среду, на 14:10, встречу с пиротехником. Пиротехнику было всё равно, когда встречаться, он сам предлагал любой день.

Отвечать я не собирался. Письмо, в котором написано «Я всё обдумала. Продолжать не хочу», ответа не требует, а мужчина, который всё-таки отвечает, выглядит как жених, который пишет невесте длинное сообщение после того, как она вернула кольцо курьером. Таких женихов я видел. Их сообщения потом читают вслух подружки невесты, на девичнике, с выражением.

В 14:20 я открыл новое письмо.

Тему я оставил её: «Re: Обратная связь». Первый вариант начинался словами «Тори, я и сам как раз собирался тебе написать», и это было неправдой ровно настолько, чтобы звучать убедительно. Я его стёр. Второй начинался словами «Ты права», и его я стёр ещё быстрее. Тогда я решил написать коротко. Без объяснений, без просьб и без всего, что могло бы выглядеть как попытка её вернуть.

Оскар подошёл к моему столу с распечаткой.

— Пиротехник прислал смету. Без пауз дороже на треть.

— Оставь.

Оскар положил распечатку и посмотрел на мой экран. Чужие экраны Оскар читает быстрее, чем свои.

— Это ответ на тендер? — спросил он.

— Это обратная связь.

— Ага, — сказал Оскар и вернулся на место.

Дольше всего я сидел над словами о таймере. Первым вариантом было «Ты всегда уходила первой». Я посмотрел на эту строчку и стёр её: она была похожа на жалобу клиента. Мне нужно было оставить в письме одно место, после которого она вспомнит те десять секунд у кровати, и при этом такое, чтобы его нельзя было предъявить мне как просьбу. Четыре раза я переписывал это предложение, прежде чем оно стало похоже на шутку. Поздравление с запуском я написал последним и долго решал, оставить ли его, потому что в нём я ничего не выигрывал. Оставил. Подписался я «А.», как она подписывала меня в календаре.

Re: Обратная связь

От: А. · Среда, 14:31

Тори, привет.

Прочитал твоё письмо. Дважды. Хотя с первого раза всё было понятно.

Ты всегда приходила в 14:09. Я даже начал открывать дверь заранее. Не думал, что когда-нибудь буду скучать по человеку, который ставит таймер на свидании.

Кстати, его можно было ставить на 14:50. Последние две минуты ты всё равно потратила на меня.

Щётку передал. Коробка осталась, если вдруг понадобятся конфеты.

Поздравляю с запуском. Ты этого хотела и добилась. Двенадцать процентов, а не «около двенадцати». Я запомнил.

А.

Отправил я в 14:31. Ответ пришёл, пока я ещё смотрел на слово «Отправлено».

«

»

Я ещё минуту держал письмо открытым, на случай, если под пальцем появится что-нибудь ещё. Ничего не появилось. Поздравление с запуском она приняла тем же пальцем, что щётку и таймер. Про столик у окна я ей так и не успел толком рассказать.

Я закрыл почту и взял со стола распечатку пиротехника. Треть сверху за минуту без пауз выходила суммой, которую Марго, скорее всего, вычеркнет, не дочитав.

— Пиротехник перезвонил, — сказал Оскар. — Спрашивает, точно ли паузы не считаем.

— Точно, — сказал я и убрал коробку для конфет в ящик стола.

Глава 7. Условия Марго

Марго не снимает часы. Я понял это в пятницу, без четверти одиннадцать вечера, когда всё остальное она уже сняла.

Приглашение пришло в среду, через несколько часов после «

». Марго пишет так же, как говорит:

«Пятница, 20:00. 1412. Смета, финальная версия. Ужин не нужен».

Я ответил «Буду». Больше она ничего не прислала, и я решил, что «ужин не нужен» — это кокетство. Других причин писать про ужин человеку, которого зовёшь на смету, я не нашёл.

В пятницу в семь Оскар увидел, что я надеваю пиджак.

— Марго? — спросил он.

— Смета.

— В восемь вечера. В гостинице.

— Финальная версия.

Оскар посмотрел на свой монитор, где эта встреча стояла у меня в календаре с пометкой «смета, М.», и ничего не сказал. Потом протянул мне распечатку пиротехника.

— Возьмите. Она спросит, почему без пауз дороже.

— Не спросит. Она вычеркнет.

— Возьмите, — повторил Оскар.

Я сложил распечатку вдвое и убрал во внутренний карман, чтобы он отстал.

— И ещё, — сказал Оскар. — Аванс она переводит после финальной версии.

— Я знаю.

— Нам он нужен до понедельника.

Это я тоже знал. Оскар сказал это, чтобы потом можно было сказать, что он говорил.

В этот раз я надел рубашку, в которой подписываю договоры, и ничего с собой не взял. Вино у Марго и так уже было моё.

У двери номера опять стоял поднос: чашка из-под кофе и печенье в нераспечатанной упаковке. Ужин ей действительно был не нужен, она поужинала кофе. Марго открыла сразу. Она была в джинсах и сером свитере, босиком, с очками на лбу. Чемодан теперь стоял закрытый у стены, на кресле у окна лежал плед, а на покрывале — книга с закладкой. Калькулятор стоял на прежнем месте, рулон ленты в нём был новый. Номер начинал выглядеть так, будто в нём живут.

— Проходи, — сказала она.

Две недели назад она говорила мне «вы». Я отметил это и записал себе в плюс. Босые ноги на деловой встрече я записал туда же.

Стул стоял у стены, там же, где в прошлый раз. Я подвинул его к столу сам, не дожидаясь, пока это сделает она. Марго села, опустила очки на нос и положила перед собой распечатку. Смета занимала четыре страницы, и на каждой уже стояли карандашные пометки её мелким почерком.

— Салют, — сказала она. — Почему дороже, чем в прошлый раз?

— Без пауз. Минута идёт целиком, залп за залпом.

Я достал из кармана распечатку пиротехника и положил перед ней. Марго посмотрела на распечатку, потом на меня.

— Кто решил, что без пауз?

— Я.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Почему?

— Потому что в паузе гости достают телефоны, — сказал я. — Первый залп они смотрят глазами, а остальные уже через экран. Без пауз никто не успевает. Шестьдесят человек целую минуту смотрят в небо. Потом это вспоминают.

Марго ничего не сказала. Она нажала несколько клавиш на калькуляторе, и бумажная лента поползла со стола на ковёр.

— Оставляем, — сказала она и поставила рядом с салютом галочку.

Пиротехнику я ещё в среду обещал, что Марго эту строку вычеркнет. Пиротехник будет рад.

Дальше мы шли по списку. О деньгах Марго почти не спорила. Она спорила о том, зачем нужна каждая строка.

— Ведущий, — сказала она. — Кто?

— Два варианта. Тео, он вёл у нас три развода. И Ирма, она спокойнее.

— Чем плох Тео?

— Ничем. Он шутит про бывших мужей.

— Сколько шуток?

— За вечер? Штук шесть.

— Две, — сказала Марго и написала на полях: «Тео, 2 шутки». — И вступление полторы минуты. Ни секундой больше.

— Я ему передам.

— Не передавай. Впиши в договор.

Я вписал это прямо в черновик договора. Тео подписывает всё не читая, так что ничего не потеряет.

— Скрипка, — сказала Марго. — До горячего. А после горячего что?

— Диджей.

— Зачем?

— Чтобы танцевали.

— Кто?

— Гости.

— Моим гостям за пятьдесят, — сказала Марго. — Половина из них танцевала последний раз на моей свадьбе, и у половины колени.

— Колени у них, пока не заиграла музыка их выпускного, — сказал я. — Список песен я соберу по годам. Я знаю, кто в каком году заканчивал школу, это есть в вашей таблице дней рождения.

Марго посмотрела на меня поверх очков дольше, чем смотрела до этого.

— Собирай, — сказала она. — Если к одиннадцати никто не встанет, диджея я не оплачиваю.

— Договорились.

Она подчеркнула диджея дважды и потёрла шею под затылком, там, где у людей, которые много сидят над бумагами, к вечеру всё каменеет.

— Могу помочь, — сказал я. — У меня хорошие руки.

— Страница три, — сказала Марго.

Мы перешли на страницу три. На ней она двух гостей из списка обвела карандашом.

— Эти двое придут с ним? — спросил я.

— Он не приглашён.

— Это его друзья.

— Это мои друзья. Он с ними познакомился у меня на дне рождения девятнадцать лет назад. Он об этом забыл, они нет.

— Посадить их с краю?

— В центр, — сказала Марго. — За мой стол. Пусть всем будет видно, где они сидят.

Я предложил, чтобы в начале вечера она сама сказала гостям несколько слов. Две минуты, бокал в руке, свет на неё. Хозяйка, которая сама открывает свой праздник, — это лучшее, что можно сделать в первые десять минут.

— Нет, — сказала Марго.

— Гости ждут, что хозяйка…

— Гости ждут горячего. Я на своих праздниках не говорю. Я за них плачу.

Я вычеркнул пункт из тайминга. Спорить с человеком, который держит палец на калькуляторе, я не умею, и учиться не собирался.

В половине одиннадцатого Марго перевернула последнюю страницу. Потом вернулась к первой и поставила инициалы в углу каждой, включая ту, где была только таблица подрядчиков с телефонами. Перед этим каждую она перечитала. Я смотрел, как она читает таблицу подрядчиков, и вспоминал, что договор Ферран я подписывал быстрее.

Она закрыла ноутбук, сняла очки и положила их на смету. Потом встала, открыла минибар и достала мою бутылку. Бутылка две недели простояла рядом с её водой, и этикетка немного запотела.

— Я говорила, что пригодится, — сказала Марго.

Штопор она нашла в ящике стола, под калькулятором. Бокалы принесла с подноса на комоде. Налила себе и мне, поровну, и села на край кровати, а не обратно за стол. Я остался на стуле.

— У меня предложение, — сказала Марго. — Не по смете.

Я поставил бокал. Я знал, что будет дальше, с того самого галстука на крыше.

— Я хочу, чтобы ты сегодня остался, — сказала она. — Один раз. Утром ты снова подрядчик. Во вторник у нас встреча по рассадке, и смета от этого не меняется ни в одну сторону. Если не хочешь, допиваем и прощаемся. Смета тоже не меняется.

Она сказала это ровно, тем же голосом, каким говорила про полторы минуты для ведущего. Пальцы у неё лежали на колене спокойно.

— Это условия? — спросил я.

— Да.

— А если я захочу второй раз?

— Это обсудим не сегодня.

— Хорошо, — сказал я. — Только учти, я обычно ухожу до утра.

— Я на это рассчитываю, — сказала Марго. — Мне вставать в шесть.

Я сказал это «хорошо» так, будто делаю ей одолжение. Мне казалось, что я три недели веду эти переговоры и наконец подписываю то, к чему вёл: галстук, «стойте» у стеклянной двери, калькулятор вместо свидания. Всё это вдруг сложилось в одну аккуратную линию, и в конце этой линии стоял я. Марго кивнула и допила вино.

Я встал и шагнул к ней, чтобы поцеловать. Она остановила меня ладонью, не отталкивая, просто положила её мне на грудь.

— Сядь, — сказала она.

И показала на кресло у окна.

Кресло было низкое, гостиничное, с плюшевыми подлокотниками. Я сел, и колени оказались выше, чем мне нравится. Плед съехал на пол, и поднимать его никто не стал. За спиной

у Марго горел мост, тот самый, напротив которого гостиница, и она стояла против этого света так, что лица я почти не видел. Обычно я выбираю, где кому стоять. В этот раз меня посадили.

Сначала она расстегнула на мне рубашку. Рубашку, в которой я подписываю договоры, она расстегнула сверху вниз, по одной пуговице, не торопясь, и на каждой задерживалась ровно столько, сколько задерживалась над строкой сметы. Я сидел и не помогал, потому что меня не просили. Свитер она сняла сама, через голову, и бросила на кровать. Потом джинсы. Часы остались. Мужские, тяжёлые, на кожаном ремешке, застёгнутом на последнюю дырку, и всё равно они съехали ей на косточку запястья. Я потянулся к ней, и она взяла мои руки и положила их на подлокотники.

— Здесь, — сказала Марго.

Я оставил их там. Она наклонилась и поцеловала меня медленно, держа меня за подбородок двумя пальцами. Я поднял к ней лицо и поцеловал её в ответ, уже не так медленно. Потом я повернул голову и поцеловал ей запястье, под ремешком часов, там, где кожа была теплее. Марго на секунду замерла. Руки с подлокотников я так и не убрал.

Она села ко мне на колени боком и перекинула ноги через подлокотник, потому что по-другому в этом кресле было не поместиться. Подлокотник упёрся ей под колени, кресло скрипнуло, и мы оба замерли, как будто скрип мог разбудить соседей.

— Неудобное, — сказала Марго.

— Его делали для чтения.

Она засмеялась, коротко, первый раз за вечер, и прислонилась лбом к моему виску. Глаз она не закрывала. Её рука лежала на подлокотнике рядом с моей, и часы при каждом её движении стукались о деревянный край у самой моей ладони. Я ждал, что она скажет дальше, и заметил, что жду этого больше, чем всего остального. Ничего страшнее за весь вечер со мной не случилось.

— Можно я встану? — спросил я.

Марго подумала.

— Можно.

Я встал, не отпуская её. До кровати было три шага, и на втором она сама передвинула мою ладонь у себя на спине, чуть выше, чем я её положил. Книгу с закладкой она переложила с покрывала на тумбочку, закладкой вверх, чтобы не потерять страницу. Дальше мы говорили мало. Один раз она засмеялась снова, когда я сказал что-то, чего не собирался говорить вслух. Что именно, я потом так и не смог вспомнить.

Я лежал на спине и смотрел в потолок, где от моста ходили светлые полосы. Мне хотелось, чтобы она положила голову мне на плечо, и я уже приготовил для этого руку.

— Тебе было хорошо? — спросил я.

— Да, — сказала Марго.

Она встала, надела гостиничный халат, завязала пояс двойным узлом, взяла со стола очки и села обратно за смету.

— Ледяная скульптура, — сказала она. — Ты её вычеркнул или я?

— Ты.

— Почему?

— Потому что к десяти вечера она становится лужей, и гости в эту лужу ставят бокалы.

— Правильно. — Она что-то пометила карандашом. — Подай ручку. Синюю.

Я подал ей ручку с тумбочки, голый, придерживая простыню. Мои часы лежали там же, на тумбочке, циферблатом вверх. Я снял их, как всегда, когда она ещё стояла у окна. Её часы были у неё на руке, над листом сметы.

— Это его? — спросил я. — Часы.

— Мои. — Она не подняла головы. — Купила на первую премию. Мужские, потому что на женских тогда цифр было не разглядеть.

Я посмотрел на свои. Сказать мне было нечего, и я спросил, сколько у неё было премий с тех пор.

— Достаточно, — сказала Марго. — Почему у тебя аванс сорок процентов, а не тридцать?

— Подрядчикам надо платить вперёд.

— Или тебе нужно сейчас.

Я улыбнулся так, как улыбаюсь клиентам, которые спрашивают, почему торт дороже машины. Марго не улыбнулась, ничего не записала и перевернула страницу.

Телефон у неё зазвонил в десять минут первого. Она посмотрела на экран и ответила сразу, не выходя из-за стола.

— Да. Нет, не сплю. — Она слушала, держа ручку над сметой. — Пианино твоё. Бабушка оставила его тебе, это записано. Нет. Он может говорить что угодно. Кран будет в четверг, до крана пианино должно уехать. Грузчиков я закажу на среду, будь там с девяти. Ключи у тебя есть. Хорошо. Поешь что-нибудь. Пока.

Голос у неё за весь разговор не изменился. Ни одного лишнего слова, как в моих звонках поставщикам за час до выноса торта.

Она положила телефон экраном вниз и записала на полях сметы: «Грузчики, ср, 9:00».

— Пианино можно перевезти завтра, — сказал я. — У меня есть бригада, они возят рояли на свадьбы. На шестой этаж без лифта, в дождь. Ни одной царапины за шесть лет.

— У меня есть свои грузчики, — сказала Марго.

— Мои лучше.

— Возможно. — Она поставила точку после «9:00». — Но это мой дом.

— Дочь? — спросил я.

— Дочь.

— Сколько ей?

— Двадцать два.

Как её зовут, я не спросил. Это вышло само собой, по привычке.

Я лежал и складывал то, что знал о Марго. Номер тысяча четыреста двенадцать. Выходила замуж в шляпе. Клятвы длились одиннадцать минут, и он читал по бумажке. Часы купила себе сама. Теперь к этому добавились дочь двадцати двух лет, бабушкино пианино и дом, где в четверг будет кран. Получилось меньше, чем я знаю о гостях Ферран по колонке «аллергии». Про кран я спрашивать не стал. Чужой ремонт меня интересует ещё меньше, чем чужие свадьбы.

Без пяти час Марго сняла очки.

— Тебе пора, — сказала она. — Мне вставать в шесть.

Я оделся. Она тем временем сложила смету в прозрачную папку, надела пиджак поверх халата и сунула ноги в туфли.

— Мне всё равно вниз, — сказала она. — Лиаму нужна папка к утру.

Кто такой Лиам, я не спросил. Утром я это узнал.

В лифте опять играла музыка, которую никто никогда не выбирал. Марго держала папку обеими руками и смотрела на цифры этажей. Я стоял рядом и смотрел на неё. Халат под пиджаком был виден, туфли она надела на босу ногу, и её это не беспокоило.

— Может, завтра? — спросил я. — Без сметы.

За одну неделю я второй раз предлагал женщине следующую встречу. Статистика у меня портилась.

— Во вторник, — сказала Марго. — В одиннадцать, у тебя в агентстве. Рассадка.

— Это рабочая встреча.

— Да.

— А сегодняшнее?

Лифт остановился на втором, хотя никто не нажимал. Двери открылись в пустой коридор и закрылись обратно.

— Сегодняшнее было сегодня, — сказала Марго.

Я хотел сказать, что сегодня кончилось час назад, а сейчас уже суббота. Я даже начал, но лифт поехал дальше, и Марго посмотрела на меня так спокойно, что продолжать стало глупо. Я поправил манжету, которая сидела ровно.

На первом этаже она подошла к стойке и отдала папку ночному администратору.

— Для Лиама, — сказала она. — Утром.

Администратор кивнул и убрал папку под стойку, как будто ему каждую ночь в час приносили сметы женщины в халатах и пиджаках. Марго повернулась ко мне.

— Спокойной ночи, Алекс.

Она вернулась в лифт и нажала кнопку. Двери закрылись, цифры над ними поползли вверх. Из гостиницы я в ту ночь вышел первым, но это не считалось: меня проводили до лифта и отправили вниз.

Такси я вызывать не стал и минут пять стоял у входа, хотя было холодно. На четырнадцатом этаже в одном окне горел свет. Я не был уверен, что это её окно, и всё равно смотрел, пока свет не погас. Погас он быстро.

В субботу я проснулся в восемь и первым делом посмотрел на телефон. От Марго ничего не было. Я сварил кофе, принял душ и посмотрел ещё раз. В девять тоже ничего не было, и в половине десятого. Я сказал себе, что женщина, которая встаёт в шесть, в субботу утром занята. В 10:12 пришло письмо.

Смета: вечер Марго, финальная версия

От: Лиам · Суббота, 10:12

Добрый день, Алекс.

Направляю смету с правками Марго от вчерашнего дня. Подписанный экземпляр передам курьером в понедельник.

Встреча во вторник в 11:00 подтверждена.

С уважением,

Лиам, помощник Марго

Я прочитал его на кухне, стоя у кофемашины, которая у меня дома, в отличие от агентской, работает. Потом прочитал ещё раз. Марго в копии не стояла. В письме было «от вчерашнего дня», и больше ничего. Я открыл вложение. Все её карандашные пометки Лиам аккуратно перенёс в таблицу: полторы минуты ведущему, скрипка до горячего, а у ведущего в примечании стояло «не более двух шуток о бывших супругах». Грузчиков в среду в девять он, к счастью, переносить в смету не стал. Ни в письме, ни в смете ничего не говорилось ни о кресле, ни о вине, ни о том, что я сказал вслух и не помню что.

Я ответил Лиаму: «Получил, спасибо». Лиам через минуту пожелал мне хороших выходных. Я открыл смету ещё раз и нашёл седьмую строку. Салют, одна минута, без пауз. Это была единственная строка, на которой не стояло ни одной её пометки, кроме галочки.

Глава 8. Интервью без разрешения

Расшифровка: Алекс, агентство «Хэппи Энд»

От: Стелла · Четверг, 23:40

Алекс, добрый вечер. Во вложении расшифровка нашего разговора. Отметьте, пожалуйста, цитаты, которые не хотите видеть в тексте, до понедельника. Остальное я считаю согласованным.

Стелла: Почему вы не женаты?

Алекс: [смеётся] [пауза 4 сек.] Потому что я видел слишком много свадеб изнутри.

Четырёх секунд я не помнил. Я помнил, что ответил сразу и что ответ был хороший. Я перечитал строчку ещё раз и посчитал про себя до четырёх. Выходило долго. За четыре секунды на свадьбе успевают уронить кольцо и поднять его.

Расшифровка была на четырнадцать страниц. Я читал её в постели, с ноутбуком на коленях, и на второй странице нашёл, что Стелла записала даже, как Оскар у меня за спиной уронил степлер: «[шум]». Дальше шли мои истории. Свои истории я помнил, все до одной, и в каком порядке рассказывал, тоже помнил. До понедельника было три дня. Я закрыл ноутбук и решил, что отвечу ей в понедельник утром, что всё в порядке.

Сам разговор был в понедельник, за три дня до этого.

Стелла позвонила в агентство в понедельник утром. Трубку взял Оскар, послушал, прикрыл микрофон и сказал мне через стол:

— Журналистка. Колонка «Почему они не женятся». Хочет вас.

— Злая колонка?

— Читаемая, — сказал Оскар.

Я сказал, что могу сегодня в четыре. Оскар передал, послушал ещё и прикрыл микрофон снова.

— Спрашивает, не опоздаете ли.

— Почему она спрашивает?

Оскар пожал плечами и сказал в трубку: «Не опоздает».

К четырём я переставил приёмную. Кресло для гостьи развернул к окну, чтобы свет падал на неё, а не на меня, себе оставил диван у стены, под фотографией свадьбы на крыше, той, где невеста в пуховике. На журнальный столик поставил две чашки и вазочку с миндалём. Миндаль я держу для клиентов, которые волнуются: им нужно что-то делать руками.

— Это интервью или фотосессия? — спросил Оскар.

— Это рассадка.

— На двоих.

— Рассадка на двоих — самая сложная, — сказал я. — Все остальные можно испортить чуть-чуть.

Оскар кивнул и вернулся к монитору. Через минуту он сказал, не оборачиваясь:

— Она пишет то, что слышит.

— Все пишут то, что слышат.

— Ага, — сказал Оскар.

В половине четвёртого я открыл её колонку. Последняя называлась «Почему они не женятся: пилот». Пилот был без имени, но с самолётом, с бывшей женой в другом часовом поясе и с фразой, которую он, судя по всему, сказал между делом: «Я привык садиться там, где нет людей». Фразу Стелла вынесла в подзаголовок. Под колонкой было четыреста комментариев, и в половине из них пилота жалели, а в другой половине узнали. Я подумал, что пилот, наверное, сам виноват: зачем говорить журналистке такие вещи. Я бы не сказал.

Она пришла в 15:58. Ей было лет тридцать, короткая стрижка, пальто она не сняла, а расстегнула. Кресло у окна она обошла и села на край моего дивана, под фотографию с крышей, так что свет теперь падал на меня. Мне пришлось сесть в кресло. Миндаль она отодвинула, не попробовав.

— Здесь удобнее, — сказала она. — Я плохо вижу против света.

На колени она положила блокнот на резинке, а на журнальный столик поставила диктофон. Диктофон был старый, кнопочный, серый, с красной лампочкой сбоку. Такими пользовались, когда я учился на первом курсе.

— Телефону я не доверяю, он слишком много умеет, — сказала она, заметив, как я на него смотрю. — Этот пишет только то, что я включила. Я включаю. Предупреждаю: всё, что вы скажете, пока горит лампочка, я могу использовать. Потом пришлю расшифровку на согласование.

— А если лампочка не горит?

— Тогда я не пишу. Но я помню.

Оскар подошёл с кофейником.

— Кофе?

— Спасибо, нет, — сказала Стелла. — Я на интервью не пью ничего, кроме воды. От кофе я начинаю перебивать.

Оскар налил мне одному, поставил кофейник на подоконник и ушёл к себе. Стелла посмотрела на окно.

— У вас на вывеске «Э» ниже остальных букв, — сказала она.

— Это задумано.

— Нет, — сказала Стелла. — Там винт другой, светлее. Его докручивали отдельно.

Я посмотрел на неё внимательнее. Вывеску шесть лет видели все мои клиенты, и ни один не заметил винт.

Лампочка загорелась.

— Понедельник, шестнадцать ноль две, Алекс, агентство «Хэппи Энд», — сказала Стелла в сторону диктофона, ровно, как регистратор перед церемонией называет имена.

Оскар за своим столом перестал печатать, потом начал снова, тише.

— Почему вы не женаты? — спросила Стелла.

Я засмеялся и ответил, что видел слишком много свадеб изнутри. Мне показалось, что ответил я сразу.

— А вы? — спросил я.

— Это интервью с вами, — сказала Стелла.

Дальше всё шло так, как я люблю. Она спрашивала, я рассказывал.

— Самый короткий брак, который вы видели?

— Сорок минут, — сказал я. — Жених после регистрации сел в такси и уехал. Невеста стояла на ступеньках с букетом, гости делали вид, что фотографируют фасад. Через сорок минут то же такси вернулось. У таксиста не было сдачи с крупной купюры, и они всё это время ездили по городу, искали, где разменять. За это время жених успел передумать.

— Он вернулся из-за сдачи?

— Он так и сказал в тосте. Это был лучший тост на той свадьбе.

Стелла сделала пометку в блокноте.

— Самая дорогая ошибка?

— Павлин. Тёща заказала живого павлина, чтобы ходил между столами. На третьем тосте павлин перелез через живую изгородь и ушёл к соседней свадьбе. Там его приняли за подарок от нас. Возвращать не стали.

— Чью свадьбу считали вашей?

— Обе, — сказал я. — Соседняя потом заказала у нас юбилей.

Стелла улыбнулась и сделала вторую пометку. Я видел, на чём она их делала: на сдаче у таксиста и на тёще. Павлина она не записала.

— Как вы пришли в эту работу? — спросила она.

На этот вопрос у меня есть история про смех. Я рассказал её так, как рассказываю всегда, с теми же паузами.

Мне было восемнадцать, я подрабатывал официантом на свадьбах. Однажды на банкете, за три минуты до выноса, у кондитера сломалась тележка, и трёхъярусный торт лёг лицом на паркет. Все замолчали. На этом месте я всегда делаю паузу. Стелла в эту паузу ничего не сказала и не кивнула, и пауза вышла длиннее, чем обычно. Мать невесты закрыла лицо руками. Отец молча пошёл искать кондитера. А невеста посмотрела на торт и засмеялась. Громко, на весь зал, до слёз. Через секунду смеялся жених, через минуту смеялись все, и этот вечер, судя по фотографиям, которые мне потом присылали, стал лучшим в их жизни. Я тогда стоял с подносом у стены и понял, что люди запоминают не торт. Они запоминают, как смеялись.

— Как звали невесту? — спросила Стелла.

— Не помню. Я был официантом, у официантов нет списка гостей.

— А торт какой был?

— Шоколадный, с вишней. Три яруса.

— Торт помните, — сказала Стелла, — невесту нет.

— Невесту я помню по смеху.

— И вы открыли агентство, — сказала Стелла.

— Не сразу. Сначала десять лет работал на чужих свадьбах. Потом открыл своё. Семь лет назад.

У Оскара за спиной что-то упало на пол, кажется, степлер.

— Шесть, — сказала Стелла.

— Простите?

— Шесть лет назад. В марте. Я смотрела реестр. — Она сказала это без всякого торжества, тем же тоном, каким спрашивала про павлина, и записала в блокнот одну цифру. — Если хотите, напишу «семь». Но тогда это будет ваша ошибка в моём тексте.

Я смотрел на неё и не нашёл, что ответить. Обычно в этом месте женщины говорят «как интересно» и трогают волосы. Стелла смотрела в блокнот и ждала. Мне вдруг захотелось, чтобы она проверила всё остальное, что я сказал за этот час, и сказала, где ещё я ошибся.

Телефон у меня на колене завибрировал. Звонил флорист. Я сбросил звонок и перевернул телефон экраном вниз, чего не делаю даже на дегустациях.

— Шесть, — сказал я. — Пишите шесть.

— Спасибо. — Она подняла глаза. — Значит, агентство вы открыли в двадцать восемь?

— Да.

— Шесть лет организуете чужие свадьбы. Свою так и не захотели?

— Я каждый день вижу, чем это заканчивается.

— Вам не кажется, что это немного похоже на кондитера, который не ест сладкое?

— Кондитеры не едят сладкое, — сказал я. — Это профессиональное.

— Кондитеры едят сладкое, — сказала Стелла. — Я писала про кондитеров.

Оскар кашлянул. Я обернулся. Оскар смотрел в монитор.

— Брак — это мероприятие, — сказал я. — А любое мероприятие нужно уметь вовремя заканчивать.

— Кто его заканчивает?

— Организатор.

— Свадьбу заканчивает организатор, — сказала Стелла. — Брак заканчивают те, кто в нём живёт. Это разные профессии. Вы на своих свадьбах до какого момента остаётесь?

— До первого танца. Дальше гости справляются сами.

— И как они справляются?

— Не знаю. Я уже ухожу.

— Вот, — сказала Стелла и ничего не записала.

— Что «вот»?

— Вы спросили, почему меня интересует ваша личная жизнь. Вот поэтому.

Я не спрашивал, почему её интересует моя личная жизнь. Я хотел ей это сказать и понял, что за последние десять минут ответил на все её вопросы, а она не ответила ни на один мой. Мой вопрос о том, замужем ли она сама, так и висел где-то в самом начале разговора, ещё до павлина. Кольца у неё не было. На среднем пальце правой руки было синее пятно от ручки, старое, въевшееся. Такое бывает у людей, которые пишут от руки каждый день, и я поймал себя на том, что смотрю на это пятно дольше, чем на её губы.

— В чём вы уверены? — спросила она вдруг.

— В смысле?

— Вы человек, который давно не сомневается. В чём вы уверены?

— Во многом.

— Например, — сказала Стелла, — вы хороши в постели. Это одна из трёх вещей, в которых вы уверены. Две другие — шампанское и уходить до завтрака. Так?

Я замолчал. Эту фразу я сказал один раз в жизни, в своей квартире, в среду, в 14:30, женщине, у которой на запястье тогда как раз дрогнули часы. Больше её никто не слышал. Я сказал её, глядя на Тори снизу вверх, и она спросила «А две другие?», и я ответил, а она сказала «Не отвлекайся».

Я поправил диктофон на столике. Он и так лежал ровно, параллельно краю. Стелла посмотрела на мою руку и ничего не сказала.

— Откуда это у вас? — спросил я.

— Это не пойдёт в текст, — сказала Стелла. — Мне было интересно, вы правда так говорите или она приукрасила.

— Кто «она»?

— Тори. Мы три года снимали одну квартиру. Она сказала, что вы согласитесь на интервью, потому что любите рассказывать о себе. И что придёте вовремя.

— Тори приукрашивает, — сказал я. — На самом деле вещей четыре.

— Какая четвёртая?

— Четвёртая… — начал я и понял, что четвёртой у меня нет. Я хотел сказать «уходить до завтрака», но это была третья. — Четвёртую я держу в секрете.

— Хорошо, — сказала Стелла.

— А в остальном она угадала?

— Пока всё сходится.

— Что ещё она сказала?

— Что вы хорошо слышите цифры, — сказала Стелла. — Про людей она не уверена.

Я вспомнил двор, коробку для конфет в руках и часы Тори, на которых мелькнуло чьё-то имя и слово «ну?». Имени я тогда не разобрал. Теперь оно сидело у меня на диване в расстёгнутом пальто. Тори ответила ей тогда «нормально», и я попробовал угадать по лицу Стеллы, что ещё поместилось в это слово. По лицу Стеллы угадать ничего не получалось.

— Она вам много рассказывает? — спросил я.

— Достаточно, чтобы я позвонила, — сказала Стелла. — Не так много, как вам сейчас кажется. Вернёмся к работе?

Лампочка на диктофоне всё это время горела. Я про неё забыл. Мне хотелось как можно скорее перестать быть человеком из рассказа Тори, а для этого у меня есть одно средство. Я начал рассказывать истории. Лучшие, которые у меня есть.

— Расскажите что-нибудь, чего вы ещё никому не рассказывали, — сказала Стелла.

— Таких историй у меня нет. Я рассказываю всё.

— Тогда что-нибудь свежее. Этого месяца. — Она открыла блокнот на чистой странице. — Самая странная просьба невесты?

— Без имён?

— Как хотите.

— Без имён, — сказал я. — Невеста, свадьба в январе. Хочет зимой, чтобы снег и никаких ос. Хочет торт тёмно-синий, как ночное небо, со звёздами из сахара, и мама сидит рядом в пальто и не снимает его весь час, хотя в приёмной тепло. Договор на двадцать две страницы, юрист семьи любит слово «надлежащий». И вот мы смотрим список гостей, и невеста берёт у мамы ручку и вычёркивает одного человека. Потом вычёркивает его ещё раз, поверх первой черты, чтобы совсем нельзя было прочитать. «Его никуда не сажайте». А в колонке «кем приходится» стоит: «крёстный».

— И кто это?

— Понятия не имею. Я не спросил. Минус один гость — это минус горячее, минус бокал и минус стул. Мама при этом отвернулась к окну и смотрела на наши мусорные баки так, будто это вид на море.

— А крёстный придёт? — спросила Стелла.

— Куда?

— На свадьбу.

— Его же вычеркнули. Двумя чертами. Если придёт, будет стоять у бара, у меня там всегда стоят те, кого не посадили.

Стелла засмеялась. По-настоящему, коротко и громко, запрокинув голову. Ручку она держала над блокнотом, но ничего не записала. Я следил за ручкой. Ручка не двигалась.

Оскар перестал печатать совсем. Я заметил это и обернулся. Оскар смотрел на меня. Я решил, что ему нравится, как я рассказываю, и подмигнул ему. Оскар снова уставился в монитор. Печатать он так и не начал.

Имён я не называл, и я был спокоен. Январских свадеб у нас в этом сезоне четыре. Мамы в пальто сидят у меня на диване на каждой второй встрече. Слово «надлежащий» любят все юристы города. Крёстных вычёркивают каждый год, я мог бы составить из них отдельный банкет. Это был анекдот, какие рассказывают в любом баре, и Стелла даже не сочла нужным его записать. Если бы она собиралась его взять, она спросила бы фамилию. Фамилию она не спросила. Мне даже было немного жаль, что такая история пропадёт. Про диктофон я в эту минуту не думал. Лампочка на нём горела ровно, совсем не мигала.

Мы проговорили ещё минут двадцать. У Стеллы дважды вибрировал телефон, она глянула на экран и перевернула его.

— Редактор, — сказала она. — Если колонка выйдет хорошей, её поставят в субботний номер. Там читают в два раза больше.

— Значит, мне надо постараться.

— Вам ничего не надо, — сказала Стелла. — Это мне надо.

Она спросила про вечеринки в честь развода, и я объяснил, что фату жгут после горячего, а не в первые полчаса, потому что на голодный желудок гости принимают огонь слишком близко к сердцу. Это она записала.

— Вы сами бывали на чьём-нибудь разводе? Как гость?

— Нет.

— А на свадьбе? Не на работе. Просто гостем, с подарком, без телефона в руке.

Я подумал. Перебрал всех знакомых, свадьбу Марка, на которой я был свидетелем и при этом руководил выносом торта, свадьбы однокурсников, где я в итоге оказывался у пульта с музыкой.

— Тоже нет, — сказал я.

Это она записала тоже.

— Почему вы уходите после первого танца?

— Потому что организатор, который остаётся до конца, рано или поздно оказывается в кадре с чьей-нибудь тётей, — сказал я.

Эту фразу я говорю примерно раз в месяц, и обычно на ней смеются. Стелла не засмеялась. Она посмотрела на меня так, будто сверяла фразу с чем-то, что уже слышала, и перевернула страницу.

— Сколько свадеб вы делаете в год?

— Шестьдесят.

— Оскар, — сказала Стелла, не поворачивая головы, — сколько свадеб в прошлом году?

Оскар за своим столом ответил сразу, будто ждал:

— Сорок семь. И девять разводов.

— Спасибо, — сказала Стелла и записала цифры Оскара, а не мои.

— Разводы тоже мероприятия, — сказал я.

— Я так и записала, — сказала Стелла. — Отдельной строкой.

В 17:20 Стелла закрыла блокнот.

— Спасибо, — сказала она. — Расшифровку пришлю до конца недели. Вы сможете отметить, что нельзя.

— Я всё помню, — сказал я. — Ничего такого не было.

— Пилот тоже так сказал, — сказала Стелла и протянула руку к диктофону. Щёлкнула кнопка, и красная лампочка погасла. Она убрала диктофон в карман пальто, но вставать не стала и ещё секунду смотрела на меня, как смотрят на гостя, которого видят второй раз и пытаются вспомнить, где видели в первый. Миндаль так и стоял нетронутый.

— Теперь без диктофона, — сказала Стелла. — Сколько раз вы рассказывали историю про смех?

Глава 9. Раз, два, три

На фотографии было девять детей в позе ласточки. Восемь стояли на одной ноге, вытянув руки в стороны, а девятый, мальчик в футболке с динозавром, уже падал, и его поймали за мгновение до пола. Поймала его женщина в чёрном трико. Она стояла на одном колене, держала мальчика за локоть и смотрела не в камеру, а на него. Волосы у неё были светлые, собранные в тугой узел на затылке.

Я узнал узел раньше, чем лицо. Потом узнал спину. Потом телефон Марка выскользнул у меня из рук и упал в салат.

Салат был с майонезом, на двенадцать человек, в стеклянной миске, которую Хлоя достаёт два раза в год. Телефон ушёл в него экраном вниз, почти целиком. Наружу торчал только угол чехла с наклейкой в виде клубники.

— Ничего, — сказал Марк, вынимая телефон двумя пальцами. — Он водонепроницаемый. Майонез, правда, никто не проверял.

Он вытер экран бумажным полотенцем, потом ещё одним, потом посмотрел на салат.

— Хлоя не заметит, — сказал он. — Если ты не скажешь.

— Не скажу.

Марк ещё немного посмотрел на вмятину от телефона, вздохнул и вывалил весь салат в мусорное ведро.

— Делаем новый, — сказал он. — Яйца ещё остались.

— Слушай. Ты чего?

— Рука соскользнула.

Марк посмотрел на мою руку, потом на меня. Я взял нож и стал резать огурец, хотя огурцов в этом салате, кажется, не полагалось.

Был последний день октября, суббота, одиннадцать утра. Мии исполнялось семь. Каждый год на её день рождения я привожу торт: это единственная свадьба в году, которую я делаю бесплатно. В этот раз торт был в виде балетной туфли, розовый, с атласной лентой из мастики, и стоял в холодильнике Марка, занимая полку, на которой в остальное время лежат йогурты. Хлоя расписала праздник по часам ещё в понедельник. С десяти до половины двенадцатого в гостиной шла детская растяжка, «с тренером из Мииной студии», как было сказано в расписании на холодильнике. Взрослым в гостиную до половины двенадцатого не входить. Мы с Марком сидели на кухне и делали салаты, потому что это было единственное занятие, куда нас пустили.

Я приехал без десяти десять, с тортом в коробке размером с чемодан. Хлоя открыла дверь с листком в руке, приняла торт, как принимают посылку, и сверилась со списком.

— Торт есть, — сказала она. — Отлично. В гостиную не заходить до половины двенадцатого. Тренер просила: при взрослых дети отвлекаются.

— А я при чём?

— Ты взрослый, — сказала Хлоя. — Иногда.

Из-за двери гостиной уже доносилась музыка, тихая, на пианино, и детский визг, который постепенно стихал. Хлоя закрыла торт в холодильнике и ушла туда, к детям, с телефоном в руке. Мне досталась кухня, Марк и двенадцать варёных яиц, которые нужно было почистить к половине двенадцатого.

— Ночью был ребёнок, — сказал Марк, очищая яйцо так медленно, будто оно было пациентом. — Аппендицит. Восемь лет. Всё хорошо, утром уже просил телефон. — Он положил яйцо в миску. — А я пришёл домой, а тут семилетняя, и тоже всё хорошо. Странное ощущение. Как будто за ночь сходил на работу в другой день рождения.

— Ты спал?

— Час. В машине у подъезда. Хлоя не знает.

Он почистил ещё одно яйцо и вдруг спросил, не поднимая головы:

— А та, с зеркалом? Не объявилась?

— Нет, — сказал я. — И не объявится. Она меня с кем-то перепутала.

— Ага, — сказал Марк и посолил салат, который солить было ещё рано.

После ночного дежурства глаза у Марка были красные, рубашка глаженая и мятая одновременно. На холодильнике под магнитами висел список с двумя колонками: оранжевая — Хлоя, зелёная — Марк. В зелёной было «шары», «свечи», «салаты», «встретить Алекса». «Шары» и «встретить Алекса» были вычеркнуты. «Свечи» нет.

— Ты свечи купил? — спросил я.

— Слушай, — сказал Марк. — Не напоминай.

Телефон он после салата держал в руке и время от времени вытирал о брюки. Это был родительский чат Мииной студии. Хлоя создала его для мам детей, которые пришли на праздник, и выкладывала туда фотографии из гостиной, чтобы родители, высадившие детей у подъезда, видели, что всё в порядке. Марка в этом чате держали для порядка. Он показал мне ласточку, потому что Мия стояла на ней ровнее всех, и он ею гордился.

— Можно ещё раз? — спросил я.

Марк протянул телефон. Я пролистал вверх. Фотографий было много: дети на ковриках, дети с поднятыми руками, Мия с розовой резинкой в волосах, мальчик с динозавром, уже стоящий на двух ногах и очень довольный. Тренер была почти на каждой, но ни на одной не смотрела в камеру. На одной она стояла спиной, на другой поправляла кому-то колено, на третьей смеялась, отвернувшись к окну. Профиль на третьей был тот самый. Я видел его на своей кухне, у своего окна, когда утренний свет поднял жалюзи.

Между фотографиями шли сообщения. Чья-то мама писала «Какие они молодцы!!!», другая отвечала сердечками. Кто-то поблагодарил тренера, по имени, длинно, с тремя восклицательными знаками. Я пролистал это сообщение, не читая: под ним было фото покрупнее, и я хотел видеть её лицо, а не чужие восклицательные знаки. Ещё ниже одна из мам спрашивала, как записаться в студию, и Хлоя отвечала ей длинным сообщением с адресом и расписанием. Его я пролистал тоже. Адреса меня в ту минуту не интересовали.

Потом пришло видео. Хлоя сняла его с порога, телефон немного дрожал. Девять детей лежали на ковриках на спине и поднимали ноги, и женский голос, ровный, не громкий, считал:

— Раз, два, три. И опускаем. Раз, два, три.

На «три» кто-то из детей не выдержал и захохотал, и сразу за ним засмеялись все девять.

— Это Мия, — сказал Марк у меня над плечом. — Слышишь? Она первая всегда.

Темнота. Голос совсем рядом, у самого уха, тише, чем шёпот. Раз, два, три. Она считает, и я, сам того не замечая, подстраиваюсь под её счёт, как подстраиваются под ритм, когда идут рядом с кем-то по улице. На «три» она выдыхает. Я тогда решил, что это такая игра. Мне нравилась эта игра.

— Ты в порядке? — спросил Марк.

— Душно у вас.

Марк открыл форточку. С улицы потянуло мокрыми листьями. Я вернул ему телефон, и он вытер его о брюки ещё раз.

— Это тренер Мии? — спросил я как можно небрежнее.

— Ага. Хлоя от неё в восторге. Мия тоже. Дома теперь все ходят с прямой спиной, кроме меня. — Марк потёр глаза. — Хлоя к ней тоже ходит. По вторникам. Говорит, это единственный час в неделе, когда её никто ни о чём не спрашивает.

— А ты?

— А я по вторникам сижу с детьми.

Он сказал это без жалобы, как сообщают время. Я хотел спросить ещё что-то, как её зовут, например, и не спросил. Марк спросил бы, зачем мне. А я не придумал бы, что ответить, кроме правды, а правду про зеркало Марк уже знал.

В 11:28 я вытер руки и вышел в коридор. До конца растяжки оставалось две минуты, и я сказал себе, что иду проверить, не растаял ли торт. Холодильник был на кухне, а коридор вёл в противоположную сторону, но этого я себе не сказал.

Дверь в гостиную была стеклянная, с матовой полосой посередине. Ковёр в гостиной свернули и поставили в угол, мебель сдвинули к стенам, и на полу лежали девять разноцветных ковриков. Дети стояли теперь на коленях, вытянув руки вверх, и тянулись к потолку. Она ходила между ними босиком. Трико, серая кофта с длинными рукавами, закатанными до локтя, и тот самый узел на затылке. Шла она ровно, не торопясь, как будто под ней был не паркет, а сцена, и каждый шаг попадал в счёт, который слышала только она.

У Мии левое плечо было выше правого. Тренер остановилась рядом, положила ладонь Мие на плечо и надавила совсем чуть-чуть, двумя пальцами. Плечо встало на место. Мия засмеялась.

Тогда она подняла глаза.

Стекло было матовое только посередине. Над полосой я был виден весь, от груди и выше, в своей рубашке для выходных, с кухонным полотенцем, которое забыл бросить, на плече. Она посмотрела на меня. Не дольше и не короче, чем смотрят на любого взрослого, который подглядывает в дверь на детском празднике. Утром на моей кухне она смотрела на меня точно так же, когда спросила, правда ли я хочу знать, кто она. Тогда был свет из окна. Сейчас тоже был свет из окна, другой, октябрьский, дневной, и я впервые видел её не в темноте и не мельком, а целиком, при обычном субботнем свете, среди детей. На носу у неё были веснушки, бледные, осенние. Утром на кухне я их не заметил.

Она убрала ладонь с Мииного плеча и отвернулась к детям.

— Раз, два, три, — сказала она. — И руки вниз. Молодцы.

Ко мне она не подошла. Я стоял за стеклом и ждал, что она подойдёт, кивнёт, улыбнётся, сделает хоть что-нибудь, что делают женщины, увидев мужчину, у которого ночевали четыре недели назад. Она стала собирать коврики.

— Ты чего тут стоишь? — Хлоя вышла из ванной с полотенцем на плече, почти таким же, как моё. — Сказано же: до половины.

— Уже половина.

Хлоя посмотрела на часы.

— Через минуту, — сказала она. — Пойдём, поможешь с соком.

Через минуту дверь в гостиную распахнулась, и девять детей пронеслись мимо нас в кухню, где их ждали сок, салаты и мой торт в виде туфли. Хлоя пошла за ними. Я остался в коридоре.

Тренер вышла последней, с сумкой на плече и свёрнутыми ковриками под мышкой. Она обулась у двери, не наклоняясь, держась одной рукой за косяк.

— Алекс, — позвала Хлоя из кухни. — Иди сюда, познакомься. Это тренер Мии. Мия при ней даже суп ест молча. А это Алекс, наш друг, он делает свадьбы. Торт от него.

Тренер повернулась ко мне. Мы стояли в метре друг от друга, в коридоре Марка, у вешалки с детскими куртками.

— Очень приятно, — сказала она.

И протянула руку. Ладонь была сухая, тёплая, рукопожатие короткое и профессиональное, как у человека, который за неделю пожимает руки сорока родителям. Ногти коротко острижены, без лака. Глаза у неё были спокойные, совершенно спокойные. Ни тени того утра.

— Мы… — начал я.

— Торт очень красивый, — сказала она. — Мия будет рада.

Я сказал что-то про мастику и атласную ленту. Я сам не понимал, что говорю. Мне хотелось сказать: «Ты оставила мне номер на чеке», или «Что значит „опять“?», или хотя бы «Доброе утро», но в коридоре пахло сосисками, из кухни кричали девять детей, а Хлоя стояла в дверях с пакетом сока и смотрела то на меня, то на неё.

Я решил, что она меня не узнала. Это была самая удобная версия, и я в неё почти поверил. Блондинок с прямой спиной в городе много. Я был в рубашке, при свете, с кухонным полотенцем на плече. Ночью я выглядел иначе. Ночью все выглядят иначе. Потом я вспомнил, что она меня видела утром, при том же свете, и что запомнить меня, в общем, несложно. Тогда я придумал вторую версию: она узнала, но на детском празднике, при Хлое, при девяти детях и мамином чате, не хочет никаких историй, и это профессионально, и я сам на её месте поступил бы так же. Вторая версия мне понравилась больше первой. Она означала, что меня узнали.

— Мне пора, — сказала тренер. — У меня в двенадцать взрослая группа.

Мия выскочила из кухни с розовой мастикой на пальце.

— Ты уже уходишь?

— Ухожу. В четверг увидимся. — Тренер присела перед ней на корточки и поправила ей сбившийся воротник платья. Потом взяла Мию за плечи и чуть развернула. — И спину ровнее. Как будто тебя сейчас будут целовать.

Мия захихикала и убежала обратно в кухню.

Тренер встала, поправила ремень сумки, кивнула Хлое и вышла. На меня она больше не посмотрела. Дверь закрылась. Я слышал, как она спускается по лестнице, не дожидаясь лифта, шаги быстрые, ровные, без остановок, и через несколько секунд хлопнула дверь подъезда.

Окно в коридоре выходило во двор. Я подошёл к нему, хотя мне там было совершенно нечего делать. Она шла через двор с ковриками под мышкой, мимо мусорных баков, мимо детской площадки с пустыми качелями, и у арки остановилась, переложила коврики в другую руку и достала телефон. Постояла с ним, что-то прочитала и убрала, ничего не ответив. Наверх она не посмотрела. Я ждал, что посмотрит, и стоял у окна, пока она не прошла под аркой и двор не стал пустым.

«Как будто тебя сейчас будут целовать».

Я где-то это уже слышал. Не в кино и не на свадьбе, хотя на свадьбах фотографы говорят невестам вещи и похуже. Фраза была знакомая, как знакомы запах или мелодия, которые слышал очень давно и не можешь вспомнить где. Я стоял в коридоре и перебирал: фотограф на прошлой неделе, ведущая из «Вечного лета», которая так шутит на всех банкетах, чья-то мама, кто-то из инструкторов в спортзале. Ничего не подходило. Мне показалось, что если я вспомню, где это слышал, то вспомню и всё остальное, но вспоминалось только то, что когда-то, очень давно, кто-то сказал мне это в спину и я выпрямился, сам не зная зачем.

Я стоял так, пока Мия не дёрнула меня за рукав.

— А почему ты подглядывал? — спросила она.

— Я не подглядывал. Я проверял торт.

— Торт на кухне, — сказала Мия, облизала палец с мастикой и посмотрела на меня с тем выражением, с каким Хлоя смотрит на Марка, когда он говорит, что свечи купил.

Потом Хлоя тронула меня за локоть.

— Ты её знаешь? — спросила Хлоя.

— Нет, — сказал я. — Впервые вижу.

Хлоя посмотрела на меня, ничего не сказала и пошла на кухню раздавать сок.

Праздник шёл дальше без меня, хотя я в нём участвовал.

— Свечи, — сказала Хлоя, не оборачиваясь, и протянула руку назад, к Марку.

Марк посмотрел на холодильник, на зелёную колонку, на слово «свечи», которое так и не было вычеркнуто. Потом на меня.

— Сейчас, — сказал я.

В ящике под раковиной у Марка лежали спички, батарейки, два ключа неизвестно от чего и половинка свечи от торта, которому, судя по цвету, было года три. В кухонном шкафу, за банкой с рисом, нашлась вторая, витая, синяя. Я срезал с обеих оплывший край, подплавил срезы спичкой, прижал их друг к другу, подержал, пока воск не схватился, и воткнул в туфлю, туда, где должна была быть пряжка. Получилась одна свеча, двухцветная и немного кривая.

— Это задумано, — сказал я Хлое.

— Конечно, — сказала Хлоя.

Мия задула свечу с первого раза. Все хлопали. Марк хлопал медленнее всех и смотрел на Хлою, а Хлоя смотрела на детей. Потом я разрезал торт так, чтобы каждому ребёнку достался кусок с лентой, и, пока раздавали тарелки, смотрел в окно, на улицу, где уже никого не было.

Около двух я сказал, что мне пора на площадку, хотя на площадку мне было только в пять. Хлоя кивнула, не отрываясь от раковины, и попросила забрать с собой коробку от торта, потому что в мусорное ведро она не влезает. Я взял коробку. Марк проводил меня до двери.

— Слушай, — сказал он. — Спасибо за торт.

— Каждый год.

— Я не про торт, — сказал Марк. — Ты свечу сделал. Хлоя заметила.

Он постоял в дверях, держа телефон с клубникой на чехле, и я подумал, что он хочет спросить что-то ещё. Он не спросил. Я тоже ничего не спросил, хотя телефон с тем самым чатом, где кто-то длинно и с восклицательными знаками благодарил тренера по имени, был у него в руке, в полуметре от меня.

На лестнице я достал свой телефон и написал Оскару:

«Мне нужно имя. Тренер по растяжке, ведёт детскую группу, в которой Мия, дочь Марка. Блондинка. Узнай, где студия и как её зовут».

Оскар ответил через минуту:

«Суббота».

«Знаю».

«Почему не спросите у Марка?»

Я стоял на площадке между третьим и вторым этажом, с пустой коробкой от торта под мышкой, и смотрел на этот вопрос. Внизу, в подъезде, ещё пахло чужими духами, лёгкими, чем-то вроде мыла и ещё чем-то, что я не мог назвать. Корицей не пахло.

«Потому что прошу тебя», — написал я.

«Ок, — ответил Оскар. — В понедельник».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.